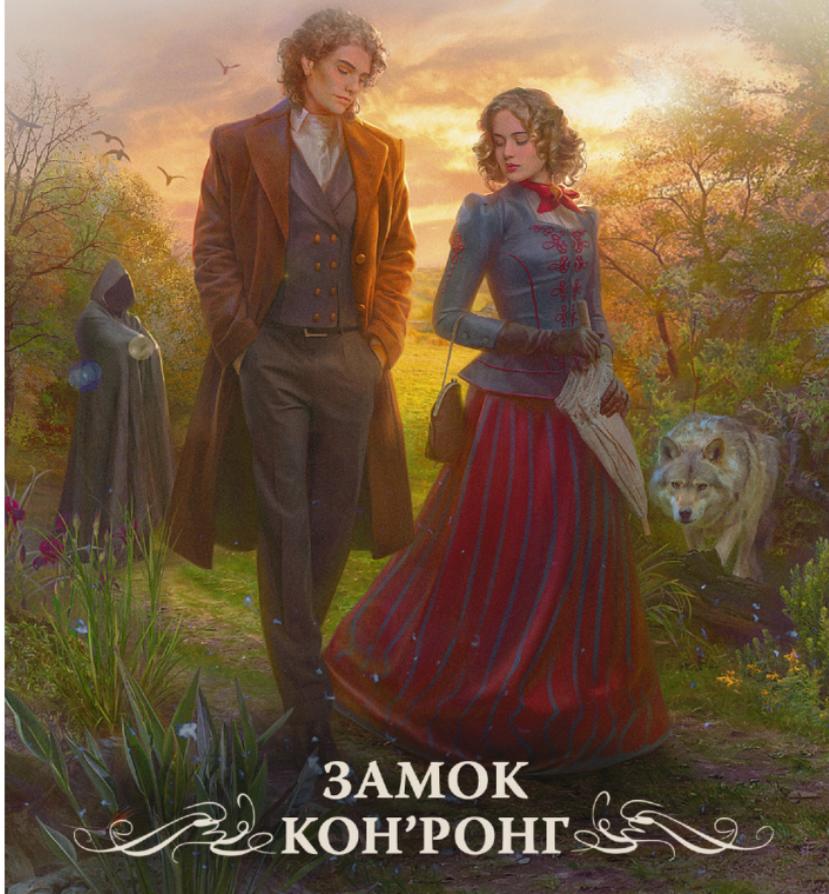

ЗВЕЗДЫ РОМАНТИЧЕСКОГО
ФЭНТЕЗИ

ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

ЗАМОК
КОН'РОНГ

Галина Дмитриевна Гончарова
Замок Кон'Ронг
Серия «Звезды
романтического фэнтези»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35488379
Замок Кон'Ронг: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-110078-0

Аннотация

Любовь – прекрасное чувство, с самыми разрушительными последствиями.

Собираясь в гости к жениху, баронесса Брайс и подумать не могла, чем все обернется. Загадочный незнакомец в плаще, волки, интриги, подруга, сбежавшая от мужа, и на закуску драконы. Драконы вымерли? К сожалению, сами ящеры об этом не знают. И золото не копят. И девиц не воруют... хотя...

«Баронесса, а вы так уж уверены, что хотите замуж? И именно за этого мужчину?»

Содержание

Действующие лица	5
Глава 1	7
Глава 2	40
Глава 3	69
Глава 4	102
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Галина Гончарова

Замок Кон'Ронг

© Г. Гончарова, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Действующие лица

Семейство баронов Брайс: мать – Кларисса, дочь – Джинджер.

Семейство баронов Лоусон: мать – Резеда, дочери – Аликс (в замужестве Пирлен), Лирея и Медина, сын – Люсьен.

Семейство графов Пирлен: младший сын – Сэндер, его супруга – Аликс (в девичестве Лоусон).

Семейство Кон'Ронг: мать – Дженет, ее покойный супруг – Лукас, дочери – Тиана (старшая), Кейт (средняя), младший сын – Лесс.

Семейство Ривен: глава семьи – Ивар, его жена – Тиана (в девичестве Кон'Ронг), сын – Андрес (около 17 лет).

Семейство Линос: глава семьи – Ивар Линос, его жена – Кейт (в девичестве Кон'Ронг), дети – Колин (13 лет) и Эллиана (1 год).

Леди Нэйра Лидс – компаньонка.

Ирэна Гервайн – очень подозрительная особа, с сыном, о котором пока ничего не известно.

Над морем, на утесе стоит замок Кон'Ронг. С моря он похож на копьё, пронзающее скалы, с земли – на дракона, стремящегося в небо. Одна большая башня – как тело, две другие – опоры, и стены к ним – как крылья, обнимающие холм. Говорили, что первый Кон'Ронг был драконом, и замок стро-

ился для драконов.

Говорили, что он воткнул в землю копье и сказал: «На этом месте я обрету свой дом».

Говорили.

Впрочем, все хроники сходятся в одном.

Кон'Ронг был, и копье тоже было. А остальное на совести хронистов. Они напишут... в том числе и про дракона, благо ящеры неграмотные, хроник не читают и отравиться хронистом не могут.

Они такое напишут...

Итак, замок Кон'Ронг.

Серые скалы, серое, свинцовое море, серое небо – и громада, которая соединяет их, трепеща серыми флагами на башнях. Герб Кон'Ронга – летящая над серым морем белая птица, и когда налетает ветер, вышитые птицы кажутся живыми.

Что это за птица?

Никто не знает. Некоторые наивные люди вообще думают, что это не птица, а тот самый дракон Кон'Ронга... кто ж им запретит размышлять над вопросами геральдики?

Эту историю записал один из хронистов рода, так перевернем же переплет книги и вчитаемся в старые строчки. Это было...

Глава 1

Ветерок, пролетающий над Ривен-холлом, решил снизиться и заглянуть в открытое окно, поиграл занавеской, которая робко высунула наружу кружевной краешек, зацепился за лепестки цветов в высокой вазе и сделал круг почета по комнате, которая явно знавала и лучшие, и худшие времена. Когда-то Ривен-холл был и богат, и велик. Когда-то. До того, как начала крошиться лепнина, вываливаться рамы, вздуться пузырями обивка, выцветшая от древности. Потом пришли люди – и дом ожил, встряхнулся. Обивку поменяли, но на то, чтобы восстановить лепнину, новых хозяев уже не хватило. Рамы так же жалобно скрипели на ветру, хоть и были покрашены свежей краской, а массивные двери помнили еще первых владельцев дома. Благородное безденежье, прикрытое салфеточкой из яркой бумаги, так можно было описать обстановку Ривен-холла. Под стать дому были и его хозяева.

Тиана расчесывала у зеркала короткие черные кудри. Зеркало отвечало привычным, чуточку ленивым взглядом из-под прикрытых век. М-да, а краски надо поменьше. Возраст берет свое, но все же не стоит превращаться в размалеванную обезьянку. Хотя она хороша, до сих пор хороша. Миниатюрная, стройная, с проникновенным взглядом темно-карих глаз.

Оказавшиеся рядом злопыхатели добавили бы, что одеваться надо все же уметь, а не напяливать на себя цветастые тряпки, которые мало согласуются как друг с другом, так и с фигурой женщины, но кто там будет слушать злопыхателей?

Провести кисточкой по щеке, подчеркнуть мушкой уголок рта, капризный взгляд на мужа... разлегся, тюфяк! Хоть что бы хорошего сделал!

– Ивар, милый, на следующей неделе мы должны выехать в Кон’Ронг.

Ивар, здоровущий мужчина лет пятидесяти на вид, лысый, зато с шикарной окладистой бородой, потянулся на кровати. Слова жены вырвали его из приятной послеобеденной полудремы, но по опыту семейной жизни он знал, если не ответить сразу, то потом Тиана вообще не даст ему жизни.

– Да, Тиа?

– Лесс собрался жениться. Наконец-то! И просил нас приехать.

– Лесс женится? – заинтересовался Ивар. Даже сон слетел от такого известия. – И как ваша мать это допустила?

– Ивар!

– Что, дорогая? – Ивар отлично знал, что Тиа не нравится это словечко, но привычно поддразнивал супругу.

– Не надо так говорить про мою маму!

Ивар насмешливо фыркнул.

– Дорогая моя, твоя мать гирей висит на шее у Лесса. Висит и душит, душит, я думал, он никогда не женится.

– Он наследник Кон’Ронга и должен исполнить свой долг, – надулась Тиа, не замечая, что над ней подшучивают.

– Я думаю, он справится, – серьезным тоном возгласил Ивар. – Главное, чтобы твоя мать не пошла ему помогать в первую брачную ночь.

– Ивар!

– Или защищать деточку. Его же наверняка будут страшно мучить, иначе с чего бы Лессу стонать...

В голову мужчины прилетела подушка, а Тиана гордо отвернулась к зеркалу и принялась подкрашивать и без того черные ресницы. Ивар свернул прилетевший дар валиком и подсунул под локоть, чтобы удобнее было лежать. Мысли текли ровно и спокойно.

Лесс женится. Это подходящий повод собрать всех Кон’Ронгов, но хочется ли ему туда ехать?

Не хотелось.

И из-за отношений с матерью жены (воистину, нет существа страшнее, чем теща), и из-за замка Кон’Ронг, в котором Ивар всегда чувствовал себя неудобно, и из-за чего-то непонятного. Странно, вот Лесс к ним приезжает, и с ним у Ивара отличные отношения. А в Кон’Ронг ехать не хочется, хотя тот же Лесс там полновластный хозяин.

Почему так?

Не понять, нет, не понять.

У мужчины было дурное предчувствие, но на чем оно основывалось? Ивар так крепко задумался, что не заметил, как

задремал.

И тем более он не заметил, как Тиана обожгла его недобрым взглядом.

Да, и так бывает.

Двадцать лет живешь с человеком, и с каждым годом все больше понимаешь, что ошиблась, ошиблась, ошиблась!!! Когда она выходила замуж, все казалось таким простым и понятным! Разваливающийся на глазах замок, безденежье, отсутствие приданого, и тут, словно рыцарь на белом коне, Ивар! Влюбленный и готовый взять ее в жены. Правда, рыцарь был малым на семнадцать лет старше принцессы, но разве это имеет значение в юности? Пусть тебе шестнадцать, а принцу тридцать три! Разве будешь думать о том, что через двадцать лет тебе будет тридцать шесть, возраст расцвета женщины, раскрытия всех желаний и возможностей, а мужу-то будет уже пятьдесят три! И ничего ему от жизни не будет нужно, кроме кровати и обеда. Да и кровати – лучше без жены, чтобы выспаться не мешала!

Тиана, конечно, себя не обижала, заводя втихаря любовников, но внутри холодным злым сомом под корягой свивала себе гнездо обида.

Разве она недостойна большего?

Драгоценностей, роскошного выезда, дома в столице, шикарных туалетов, титула? А вместо этого участь жены обычного дворянина, даже без титула, в небольшом домике, в трех часах езды от столицы. И вытащить мужа в столицу не

представляется возможным, и заставить его вести светскую жизнь, заводить нужные знакомства, как-то шевелиться – тоже!

Хорошо хоть, сын сейчас в Клостере¹.

Но сколько ей пришлось приложить труда, чтобы он попал в это богоспасаемое заведение! Чтобы учился рядом с сыновьями графов, маркизов, баронов! Чтобы был вхож в самые лучшие дома, сделал приличную партию, чтобы...

Взгляд Тианы опять упал на мирно посапывающего мужа, и женщина скривилась в раздражении.

Болван!

Ничего-то ему не нужно, и никто ему не нужен, и она ему не нужна. Было бы что пожрать да где поспать! А раз так... и он ей не нужен!

Пойти, что ли, пройтись по лавкам? Все душа успокоится...

Тиана бросила взгляд на шляпку, потом вспомнила, что денег осталось сущие медяки, и вздохнула. Лавки отменялись. Оставалось только взять книгу и пойти посидеть, почитать в садике. Или повозиться с цветами?

С вышивкой?

А что ей еще остается с этим бревном деревянным!

Тьфу!

Ветер посмотрел на недовольное лицо женщины, вздохнул – и вылетел в раскрытое окно.

¹ Один из знаменитых университетов королевства. (Здесь и далее прим. авт.)

Второй раз ветер снизился, когда впереди показалась небольшая ферма. Симпатичный домик, крытый красной черепицей, ухоженный дворик, копающиеся в траве куры-несушки, играющая в кучке песка годовалая девочка, симпатичный мальчик лет тринадцати, вырезающий что-то из дерева...

Картину портил только мужчина, храпящий в стогу сена. Ветер ощутил аромат перегара и брезгливо передернулся. Вот еще не хватало – нести эту мерзость дальше!

Поэтому ветер вильнул хвостом и полетел вверх. А почтальон у калитки остался, протягивая письмо мальчику.

– Мама, нам письмо!

Колин протянул матери узкий конверт с крупной печатью серого воска. Кейт отряхнула руки от муки и взяла его осторожно, двумя пальцами.

– Лесс... так-так! И что ему надо?

Чайка на сером фоне жалобно хрупнула под пальцами. Кейт пробежала глазами письмо и скривилась.

– Жениться он вздумал! Вот еще не хватало!

– Мам, дядя Лесс женится?!

Кейт непонимающе посмотрела на сына, а потом топнула ногой.

– Ты еще здесь? А Лина на улице?! Ну-ка, живо пригля-

дывать за малышкой!

Колин скривился, но послушался.

Кейт сунула письмо в карман фартука и принялась дальше вымешивать тесто. Мысли текли ровно и размеренно.

Брат женится.

Плохо, очень плохо. С нескольких сторон сразу плохо.

Если брат женится, у него появится своя семья, свои дети, свои интересы – и про племянников он будет помнить куда как меньше. Да и как еще его жена отнесется к сестре брата?

Гостить в Кон’Ронге целое лето, как прежде, и сильно экономить на этом не выйдет.

Или...

Если удастся подольститься к жене брата, все будет просто замечательно. Неужели Кейт не найдет с ней общего языка? Она умная, она должна его найти! Ей всегда удавалось получить от людей то, что она пожелает, удастся и в этот раз. Они обязательно должны подружиться! А там и дети их подружатся, Лина еще маленькая, если у Лесса родится своя дочь, обеих девочек можно обучать вместе, Лина сможет жить в Кон’Ронге... а к ней часто смогут приезжать и Кейт с Колином.

Это надо хорошенько обдумать.

Что будет выгоднее: подружиться с женой брата или расстроить эту помолвку? Надо это вечером обсудить с мужем.

– Мам, я собираюсь жениться.

Лесс говорил достаточно твердо, но в конце фразы голос все равно дрогнул. Потому что мать оторвалась от Жития святой Иероны и посмотрела на сына своими прозрачно-голубыми глазами.

– Женишься?!

– Да, мама.

Лесс зачем-то без нужды поправил воротник, отвернулся к окну, а потом вновь посмотрел на мать. Та сидела недвижимо и смотрела на сына, ожидая продолжения.

– Мою невесту зовут Джинджер Брайс. Она настоящая леди.

– Джинджер... Брайс... – медленно протянула леди Дженет. – Какое милое простонародное имя. А кто ее отец?

– Барон Брайс.

– Баронесса, – задумчиво протянула вдовствующая графиня Кон'Ронг. – Это, конечно, мезальянс, но я надеюсь, она достаточно богата и хороша собой?

Лесс задумался.

– Джин не богата, но и не бедствует. И она просто очаровательна.

– А сколько ей лет? Где вы познакомились?

– Ей двадцать два года.

– Сколько?! Сынок, но тебе самому только недавно исполнилось двадцать семь! Зачем тебе этот перестарок?! Неужели нельзя найти кого-нибудь помоложе?

– Мам, молодые девушки безумно скучны. С ними и поговорить-то не о чем, сплошные тряпки и моды в головах.

– Для молодой девушки это естественно. Зато ты сможешь воспитать ее по своему вкусу. А эта Джинджер...

– Брайс, мама.

– Да, леди Брайс, почему она раньше не вышла замуж?

– Не хотела.

– Да неужели? – ироничный тон матери подчеркивала недоуменно вскинутая бровь. – Женщина, которая не боится остаться старой девой? Сын мой, видимо, ты чего-то не знаешь. Возможно, там был какой-то скандал или в ее прошлом есть темное пятно...

– Нет в ее прошлом и настоящем темных пятен, я бы знал.

Улыбку мать и не скрывала. Да, дорогой, конечно, ты бы знал. Кто бы спорил...

– Тогда это очень необычная девушка, сынок.

– Джин действительно очень необычная, мама. Она тебе обязательно понравится.

– Главное, сыночек, чтобы она нравилась тебе. А я потерплю ради твоего блага. Любая твоя невеста будет встречена мной с одобрением.

На этот раз пришла очередь Лесса недоверчиво вскидывать голову. О да, мама всегда смирялась с его невестами –

и почему-то про них быстро выяснялись всякие неприятные подробности. Одна имела связь с конюхом, вторая не имела денег, а для Кон'Ронгов это было достаточно важно – только последнюю пару лет они как-то начали вылезать из нищеты, но все равно выгодно жениться для Лесса было бы очень кстати. Третья была подозрительно вольнодумна, у четвертой была мать низкого происхождения...

Недостатки находились всегда.

Но Джин...

С точки зрения Лесса, у нее был только один недостаток – она пока еще не была его женой. Все остальное было сплошными достоинствами. От внешности – и до ума.

И мать рано или поздно в этом убедится.

Вдовствующая леди Кон'Ронг посмотрела на сына. Показала головой и сказала то, что он ожидал услышать.

– Лесс, милый мой, разумеется, если ты хочешь жениться на этой девушке...

– Да, мама. Она уже приглашена в замок через десять дней.

– Да?

– И я рассчитываю, что ты поможешь нам. Помолвка должна быть на высшем уровне.

– Помолвка?

– Мама, я не хочу тянуть. Джин потрясающая, ты обязательно полюбишь ее, когда увидишь. Ее стоило ждать...

Леди Кон'Ронг чуть склонила голову.

– Если ты любишь ее, а она любит тебя, разумеется, я буду рада принять невестку.

Какая многозначительная оговорка.

Если.

* * *

Сама Джин Брайс в этот миг сидела за письменным столом. Рука ее летала по листу бумаги, уголек в руке уверенно наносил штрихи на белоснежную гладь, а на губах играла ехидная ухмылка, вовсе не идущая к милому лицу.

Красавицей Джинджер назвать было нельзя. Она не была ни милой ангелоподобной блондинкой, ни высокой темноглазой брюнеткой, которые были в моде. Невысокая, скорее пухленькая, чем стройная, с милыми ямочками на щеках, темно-русыми выющимися волосами и большими серыми глазами, Джин производила впечатление недалекой и славной девушки. С приятного личика с правильными чертами не сходила улыбка, кудряшки вечно выбивались из прически, а искренняя доброжелательность девушки делала ее желанной гостьей в любой компании.

Впрочем, беззащитной Джин не была. И ответить могла так, что любой, рисквавший задеть ее, становился всеобщим посмешищем.

Но никто, никто не догадывался, что это – маска.

Сама же Джин совершенно другая. Неглупая, достаточно

жесткая и жестокая, спокойная и холодная. Но *эту* Джин видела только ее мать. А остальные...

Если маска устраивает людей больше, чем твое истинное лицо – стоит ли их разочаровывать себе в убыток? Джин и не собиралась.

– Джин, тебе долго еще?

– Нет, мам. Часика два, потом я в твоём распоряжении.

– Хорошо.

Мама отлично знала, что отвлекать дочь от работы не стоит.

Работа?

У приличной юной леди?

О да!

Джин не вышивала крестиком, не обучала никого хорошим манерам и не служила компаньонкой. Более того, узнай свет о ее работе, она стала бы изгоем. Но ее увлечение приносило достаточно, чтобы они с матерью могли вести устраивающий их образ жизни, а больше Джин (вообще-то Джинджер Элеонору Брайс, баронессу Брайс) ничего и не волновало.

Замужество?

Вот еще не хватало!

Слишком памятен для Джин был пример подруги, симпатичной Аликс Лоусон, которая счастливо смеялась на выходе из храма, бросая подружкам букет, всего пять лет назад, а теперь запудривала синяки и отважно лгала Джин, что слу-

чайно споткнулась впотьмах.

Джин делала вид, что верит, и собиралась, когда Аликс на-
доест служить безответной игрушкой для муженька-ублюд-
ка, предложить ей побег из страны.

Впрочем, на это тоже нужны были деньги.

И Джинджер зарабатывала их так, как могла.

Она была модной гостьей в любых салонах, благодаря сво-
им акварелям. Она вообще великолепно рисовала, хоть крас-
ками, хоть карандашом. Эксцентричная дочь богатого баро-
на, таково было всеобщее мнение.

Джинджер рисовала портреты и пейзажи, любимых пти-
чек и болонок, детей и комнаты, даже дам в интересных ви-
дах и позах, если те просили девушку об услуге, и не брала
денег за рисунки. О нет.

Деньги?

У меня более чем достаточно денег на мои прихоти, по-
жимала она плечами, поигрывая бриллиантовым браслетом
на запястье. Или крутя на пальце колечко с рубином. Никто
же не знал, что это филигранно выполненные подделки под
настоящие драгоценности. Отец закладывал все, что мог, но,
любя блеск, заказывал матери настолько качественные ко-
пии украшений у одного из знакомых «ночных ювелиров»,
что от оригинала их могли отличить только профессионалы.

И деньги ей не предлагали.

Зато приглашали на все, даже самые закрытые вечера.
Джин была даже принята при дворе, хотя для незамужней

баронессы это было... сложно. Но ее представили королевской чете, и их величества благосклонно отозвались о рисунках Джин.

Это была внешняя сторона обертки.

Внутренняя же...

О ней знала только мать – и никто, кроме матери.

Только мать знала, что дочь заложила Брайс, чтобы были деньги на проезд в столицу. Только мать знала, каких трудов стоило дочери заработать деньги на выкуп и Брайса, и их городского дома. Хотя изначально им повезло.

Барон Брайс был милым, добродушным и дружелюбным человеком.

Больше всего он любил своих друзей и охоту. Потом шли дочь, поместье и жена, именно в таком порядке. Мать Джинджер, Кларисса Эмори, младшая дочь обедневшего графа, не разобралась сразу, чего ей ждать от мужа, а когда прозрела, оказалось, что уже поздно.

Обеты прозвучали, браслеты защелкнулись, оставалось только жить и растить дочь. Единственного ребенка, потому что роды оказались невероятно тяжелыми. Барон, будучи приглашен на праздник к другу, забрал единственный экипаж и хороших лошадей, в итоге за доктором помчался мальчишка на старой кляче, и к моменту приезда доктора Кларисса была едва жива от боли и кровотечения. Спасли ее только чудом, но женщине пришлось проболеть чуть ли не полгода.

Рожать второго ребенка Клариссе запретили.

Барон не настаивал – у него было за кем охотиться.

Кларисса тоже не настаивала, не в силах простить мужу то, что хуже любой жестокости, – преступную, непростительную беспечность.

Джинджер же...

С детства она видела беспечность отца, видела, как бьется, словно рыба на льду, мать, не в силах ни на что повлиять, слушала разговоры отца с кредиторами...

И клялась себе, что этого не будет.

А еще рисовала.

Второй источник дохода у нее таки был.

Джинджер жила светской жизнью, подмечала то, что не мог заметить никто из людей, принадлежащих иному классу, и писала заметки в газеты.

Даже не заметки.

Статьи, снабженные рисунками. Яркими, броскими, неизменно узнаваемыми, потрясающе точными и неизменно ядовитыми. Так статьи и подписывались: *Ядовитый плющ*.

Вот и сейчас Джинджер рисовала герцогиню Кларес, которая собиралась выдать дочь замуж за своего любовника.

Герцогиня, на гербе которой красовалась рыба, выглядела той еще щучкой, ее дочь хлопала на картинке глазами и жабрами, как глупый карасик, а любовник забрасывал удочки на две стороны.

На второй картинке был показан лорд Шельт, который

промотал все свое состояние и собирался жениться на чужом. Лорд склонялся в поцелуе над рукой наследницы капиталов, изрядно похожей на чайник (хотя и набитый бриллиантами) и незаметно выгрызал камни из перстней.

Рисунки и коротенькие ядовитые статьи из жизни высшего света пользовались успехом.

К вечеру заметки лягут на стол редактора, к завтрашнему утру окажутся в типографии, а через день – и на улицах города. В газетах.

– Как ты думаешь?

– Не знаю, – неуверенно пожала плечами мать, – будет ли это пользоваться спросом?

– Это решать редактору, – пожала плечами Джин. – В ее таланты мать верила, но как-то странно, сглазить, что ли, боялась? Любое произведение, выходящее из-под рук Джин, подвергалось критике, но потом, когда оно попадало в газету, тираж разлетался в мгновение ока, а редактор срочно допечатывал еще и выплачивал Джин причитающийся ей гонорар, мать удовлетворенно кивала.

Я всегда знала, что у тебя есть талант.

Джин это тоже знала, но иногда так хотелось, чтобы мать похвалила ее, а не пожимала плечами. Ну да ладно, всего сразу не получишь. Хватит и того, что они с матерью подружки, единомышленницы и, если можно так сказать, воительницы, ведущие плечом к плечу свою борьбу с обстоятельствами. Если бы мать не выкраивала каждую копейку, Джин

не получила бы самое лучшее образование, которое только можно было дать в их глуши. Если бы она не верила в способности дочери, она никогда не дала бы ей заложить Брайс.

А Джин сделала все, чтобы обеспечить маме безбедную старость. Сейчас, даже случись что-то с самой девушкой, мать не будет нищенствовать. У них есть не самое большое, но достаточно приличное состояние. Не акции и облигации, нет. В этом они не слишком понимали, да и не стоит женщинам лезть в эти волчьи игры. Джин поступила проще, вложив деньги в два доходных дома. Акции могут идти вниз или вверх, но людям всегда надо будет где-то жить. Нанять хорошего управляющего, сделать ремонт – и дома сначала окупили себя, а потом и начали приносить чистый доход. Бриллианты на эти деньги было не купить, но поддерживать достойный уровень жизни и позволять себе маленькие радости – вполне возможно.

– Лесс пригласил меня в гости. Нас с тобой, чтобы не было ущерба репутации.

– Ты поедешь?

– Он хочет познакомить меня с матерью. Полагаю, речь пойдет о помолвке.

– Думаешь, стоит с ним связываться?

Джинджер тоже размышляла над этим вопросом последние пару дней, а потому пожала плечами. Как тут ответишь, если сама ничего толком не знаешь? В этой ситуации есть лишь один выход.

– Не знаю, мам. Имеет смысл посмотреть на этот Кон’Ронг.

– Все поместья примерно одинаковы. Брайс ничем не хуже.

– Да я не о новых видах и впечатлениях сейчас говорю. Ты же понимаешь, что замуж надо выходить вовремя. Если я в ближайшее время этого не сделаю, то превращусь из эксцентричной девушки в неостребованную.

Кларисса задумчиво кивнула. Есть такая опасность, и ее дочь себе этого позволить не могла.

Ладно, сейчас уже могла – денег хватило бы. Но к чему лишаться возможности выгодно выйти замуж? С каждым годом она будет только уменьшаться...

– Да, и детей тебе нужно заводить.

– Да, мам. И пока ты рядом, мой муж не протянет руки к моему – нашему с тобой – имуществу.

Кларисса кивнула. Вот уж тут верно. Сколько она натерпелась от мужа?! А помоги ей родители, да останься ее приданое, пусть и крохотное, под ее строгим контролем? Наверняка она смогла бы дать Джин намного больше.

Мужчина может увлечься, может небрежно отнестись к деньгам, может проиграть их или потратить на шлюх. А мать, если она заслуживает этого слова, никогда не забудет, что дома у нее дети, которым нужно питание, воспитание и образование.

Нищетой и подсчетом каждого медяка они с Джинджер

были сыты по горло, так что...

Состояние дочери дочери и останется. А муж должен быть...

Кларисса мечтала о самом лучшем.

Молодом, симпатичном, с титулом, собственным поместьем, чтобы у него было состояние и не было вредных привычек. Увы... такие лорды встречались не чаще, чем павлин на скотном дворе. Но помечтать-то можно?

На первый взгляд Лесс Кон'Ронг отвечал всем требованиям. Увы, разочаровавшаяся в жизни Кларисса заранее прикидывала – какой может быть недостаток у парня, если он до сих пор не женат.

Ну не бывает таких чудес! Что, в округе возле Кон'Ронга не нашлось ни одной активной и симпатичной девушки?

Так не бывает!

Значит, где-то есть червоточина, и дело Джинджер выяснить это до брака. Потом-то поздно будет.

– Съезди, посмотри на него, на его семью...

– Да, о замужестве говорить пока рано. А ты поехать со мной не хочешь?

– Почему нет? Вдвоем мы точно все увидим и разглядим. Когда мы едем?

– Думаю, дней через десять, как Лесс вернется из поместья. Время уладить дела у нас еще есть.

Джинджер улыбнулась матери.

Да, может, это не совсем правильно, но они вдвоем про-

тив целого мира. Две женщины, которые никогда не предадут друг друга.

Можно выйти замуж и развестись, можно родить троих детей и овдоветь, но в этой жизни Джинджер до конца сможет доверять только Клариссе, а та – только дочери. Ну и детям Джин, когда те родятся, вырастут и докажут, что достойны доверия.

Вот и посмотрим, годится ли Лесс Кон’Ронг на роль отца для детей Джин.

Любовь?

О нет. Вот этого чувства Джин не испытывала. Привязанность, симпатия, возможно, немного уважения – и только. Прости, Лесли, не настолько хорошо я тебя знаю, чтобы доверять, а любовь возможна только при обоюдном доверии, полном доверии, и никак иначе.

* * *

– Тварь!

От пощечины Аликс полетела на пол – и в бок ей с силой врезалась нога.

– Сэнди! Умоляю!

Аликс съежилась в комочек, показывая, что потеряла сознание. Главное теперь – не вскрикнуть, но она это сможет. Должна.

Вот рту было солоно от крови.

– С-сука!

Муж ударил ее еще несколько раз – и отошел. Забулькало вино, сильно запахло спиртом. Женщина почувствовала, что к горлу подкатывает горький комок и постаралась удержать рвоту.

Только не сейчас.

Нельзя, нельзя, терпи, Аликс. Ты справишься, ты должна. Ради себя, ради своего ребенка – держись!

Муж презрительно сплюнул на пол рядом со свернувшейся в комочек дрожащей женщиной и вышел вон из комнаты.

Аликс продолжала лежать, чутко прислушиваясь к его шагам.

Вот хлопнула дверь кабинета. Шаги за стеной. Звон золота.

Опять хлопок двери.

Шаги уже на лестнице – и входная дверь закрывается за Сэнди. Только тогда Аликс позволила себе встать на ноги. Медленно, осторожно коснулась ладонью живота.

– Ты жив, малыш?

Малыш определенно был жив, она бы почувствовала неладное. К счастью, муж ударил в бедро, в ногу, бок защитила рука, а живот удалось уберечь.

Дальше так продолжаться не может!

Аликс со стоном рухнула на кровать.

Рано или поздно, так или иначе – муж забудется. Вряд ли ее беременность отучит мужчину от привычки срывать зло

на жене и чесать об нее кулаки. Раз поднял руку – и два поднимет, а там и в привычку войдет, говорила Джин.

Аликс еще ей не верила, а вот вошло же. Раньше она терпела, молилась, пыталась что-то сделать, а вот сейчас...

Речь идет о жизни ее ребенка! Да и о ее жизни, если на то пошло! Хотя это соображение не принималось во внимание раньше, но беременность многое изменила. Случись что с ней – и малыш останется на произвол отца-мерзавца?

Ну нет!

Этого она не допустит!

Плевать на осуждение света, плевать на безденежье, сейчас для женщины были важны лишь две жизни – ее и ребенка!

Аликс прикусила пораненную губу. Боль отрезвляла, приводила в чувство...

Она отлично знала, что до утра Сэнди дома не появится. Да и когда появится – придет пьяным, рухнет в кровать и уснет. У нее есть время до завтрашнего полудня, может быть, дольше. Она знает, где хранятся деньги. Первое время муж запирал секретер и кабинет, а ключи уносил с собой. Он и сейчас их запирает, но Аликс знает, куда он прячет ключи. Потерял пару раз по пьяни, теперь с собой не носит.

Ключи, деньги, экипаж – и к Джинджер. Подруга предлагала ей помощь, а Аликс сейчас и к демонам бы обратилась, чтобы забрали Сэнди или ей помогли.

Мысль так царапнула, что Аликс быстро сотворила святой

знак и огляделась вокруг. Нет, демонам было точно не до нее. Ни один не явился.

Ну и ладно.

Кабинет.

Секретер.

И в путь.

Да, и собрать вещи на первое время. Не путешествовать же даже без ночной сорочки?

Аликс вытерла кровь с лица и решительно направилась к шкафу. Да гори ты огнем, Сэнди! Дурой я была, но больше не буду!

Развод и воля!

* * *

– Мам, ты уверена, что стоит это затевать?

По проселочной дороге катилась карета. Невзрачная снаружи, она вряд ли привлекла бы разбойников. Обшарпанные дверцы говорили, что ей пришлось немало послужить, колеса, из которых кое-где выпали спицы, облупившаяся краска, провисающая крыша – на первый взгляд.

А вот в самой карете...

Стены были обиты плотным синим бархатом, им же были обтянуты и удобные сиденья, ноги тонули в длинном теплом ворсе ковра, маленькая жаровня сейчас была пуста, но давала возможность и согреться, и приготовить что-нибудь горя-

чее, плотные занавески закрывали окна.

– Да, дорогой мой. Я должна. И ты обязан.

– Тридцать лет. Даже больше тридцати лет.

– Некоторые... дела не имеют срока давности.

Женщина коснулась тонкой ленточки, завязанной на запястье. Как давно это было, боже мой, как давно...

– *Мама, мамочка, со мной все в порядке, не пугайся, не надо!*

– *Я не пугаюсь, малыш.*

– *А куда мы бежим?*

– *Так надо, солнышко мое! Так надо!*

Позади остались луг, полный одуванчиков, счастливый ребенок, смеющаяся женщина...

Когда-то она была счастлива. Потом же...

Сейчас она не желает вспоминать. Потом, все потом. Хватило одного дня, чтобы из нее вылупилось чудовище. Были и другие луга, покрытые цветами, но той женщины уже не было.

Она умерла тогда. И сейчас карета спешила на похороны, которые состоялись тридцать лет назад. Тридцать два года – женщина никогда не была привязана к датам. Стоит ли дожидаться юбилея?

– Не надо, мама.

Сын коснулся плеча, и женщина быстро стерла слезы с глаз.

– Прости, родной мой. Я забылась.

– Ничего страшного. Но сейчас тебе надо собраться. Если ты хочешь все сделать правильно, не стоит раскисать.

Женщина посмотрела в спокойные глаза сына. Спокойные, холодные, рассудочные...

Не думать.

Не вспоминать.

Терять им с сыном нечего, муж умер, на чужбине их особенно ничто не держит, а долги надо выплачивать. Тем более *такие* долги.

Когда все закончится, она сможет один раз вспомнить все – от начала и до конца. Сможет забыть.

Сможет снять с запястья белую ленточку, которая от времени превратилась в бледно-серую, прийти на башню над морем – и отпустить. Наконец-то отпустить демона мести.

Но сначала – Кон'Ронг.

* * *

Аликс готова была кусать себе локти.

Нет, ну надо же быть такой дурой?! Оказывается – не надо, дальше уже некуда. Ей – точно некуда!

Сначала она шла наугад – до первой лавки с готовым платьем. Потом подумала, что ей нужно и новое платье, и плащ, и решила переодеться.

Купила два платья, плащ, шляпку-капор и только потом подумала, что муж-то не глупее. Не стоило покупать все в

одном месте, не стоило покупать все сразу, да и одежда ее... своеобразна. Надо было там плащ, тут шляпку...

Дура.

Но теперь уже выхода нет.

За то, что она сделала, муж уже убьет ее, поэтому ей надо спешить. Джин поможет, Джинни обязательно поможет, подруга умная и сильная. Сейчас ей надо выбраться из города... дилижанс?

Да, безусловно.

Но...

Будет ли муж искать ее?

Обязательно будет. А значит, надо направить погоню по ложному следу. И лучше всего...

Аликс подумала несколько минут, а потом решительно направилась к месту отправки дилижансов. Ей нужен кто-то, кто купит ей билет и посадит в дилижанс. Одинокая женщина привлекает внимание, а вот муж, который провожает жену, или брат, который машет ручкой вслед любимой сестренке, – это обычно. А еще...

По дороге Аликс внимательно оглядывалась и вскоре нашла то, что ей нужно. Эта женщина еще не была такой потасканной, как остальные жрицы любви, и даже походила немного на Аликс. Примерно одинаковые цвет волос, возраст и телосложение. Что ж, лучшего ей не найти – некогда.

Аликс решительно подошла к проститутке.

– Заработать хочешь?

– Я по бабам не работаю, – отгавкнулась та.

– А я тебе и не любовь предлагаю, – Аликс вся покрывалась краской от стыда, но держалась твердо. – Золотой.

Интереса в глазах проститутки прибавилось. Еще бы, месяц скромной жизни.

– Что делать надо?

– Надеть платье, купить билет в дилижанс и уехать, на первой же остановке сойти и вернуться в город.

Проститутка думала недолго.

– Два золотых.

Аликс тоже подумала пару секунд.

– Пару медяшек накину и на билет дам. А нет – другую найду.

– Хм-м...

Аликс продолжала молча ждать.

– Хотя бы серебрушку сверху накинь.

– Поняла. Другую найду.

– Да ладно уж, – проститутка схватила развернувшуюся

Аликс за плечо, – уж и пошутить нельзя!

– Будешь шутить с другими клиентами, – огрызнулась

Аликс. – Хотя... две серебрушки за твое платье – хочешь?

– Пять!

– Две.

– Ну ладно, четыре.

– Три – и расходимся подругами.

Платье было красным, грязным, дешевым, и невероятно

вонючим – нет ничего хуже смеси пота и духов, но Аликс терпела. Переоделись они в каком-то закутке. То есть переодевалась проститутка. Она же прошла в трактир, а потом села в дилижанс и уехала. Аликс следила за ней, стараясь не попадаться на глаза, мало ли что? Кто она такая, чтобы с ней считаться? Что она сможет сделать продажной девке? Но та решила отработать золотой, и уехала честь по чести.

Через два часа Аликс повторила тот же номер. И еще через час. А сама отправилась уже в другую лавку.

Лавки.

И в этот раз она прежних ошибок не совершила. Платье было куплено в одной из лавок, сумка в другой, плащ в третьей, а башмачки вообще непосредственно у сапожника. И там же Аликс разжилась помощником. Подмастерье за пару серебрушек согласился прийти, проводить одинокую женщину в дорогу. Аликс объяснила честно.

Так и так, осталась одна, едет к сестре в другой город. Сестра – да, двоюродная. Но вы же понимаете, одинокая женщина, в дороге... надо, чтобы кто-то видел, что за нее есть кому заступиться. А так... брат проводил, сестра встретит... или муж проводил, авось и побоятся приставать?

Подмастерье согласился, что это правильно, и они с Аликс отправились к трактиру, не теряя времени.

Да, трактир «Веселый мерин» и служил местом остановки дилижансов. Удобно.

Поест горячего, переночевать, если что-то сломалось, ис-

купаться, приобрести что-нибудь... Билеты тоже продавались у хозяина трактира. Подмастерье, не теряя времени, объяснил, что ему нужен один билет, для дамы, так что компания должна быть ну очень приличной, а то если его жену обидят, он тут – ух! Трактирщик с уважением посмотрел на пудовые кулаки и согласился, что «ух» – это звучит грозно. Ну что ж, если жене надо к заболевшей матери? Пусть съездит. А что сам мужчина остается в городе...

Работа у него, и вообще, кому мать, а кому и теща!

Аликс шипела, фыркала и вообще всячески изображала негодование, стараясь изменить голос, и, кажется, преуспела, потому что трактирщик косился с неодобрением. Вот рыба-пила! Не повезло мужику!

Дилижанс отходил через час, так что им предложили пока подождать, возможно, перекусить, мужчина согласился, взял для Аликс суп и овощи, и они ушли в темный угол.

– Спасибо.

– Да не за что, госпожа, это дело такое... вы поешьте, дорога дальняя.

Аликс послушалась умного совета – и вовремя. Потому что, когда она приканчивала овощи и совершенно простонародно промокала тарелку кусочком хлеба (хотелось уже не есть а жрать!), в трактир ворвался ее муженек собственной персоной. И, недолго думая, выложил на стойку перед трактирщиком золотой.

– Расскажи-ка мне, борода, про сегодняшний день.

– А кто вас интересуется, господин хороший?

– Одинокая женщина. Лет двадцать – двадцать пять, симпатичная, светловолосая...

При этих словах подмастерье взглянул на Аликс, но тут же успокоился. Симпатичная и лет двадцать – двадцать пять. А она сейчас выглядела лет на десять старше. О косметика, сколько благ ты приносишь женщинам. И требовалось-то – уголек из печки, чтобы подчеркнуть морщины, да румян побольше, и вот вместо милого девичьего личика из зеркала уже смотрит сильно побитая жизнью тетка лет тридцати. Не красавица, но уж кому что нравится.

Да и волосы...

Аликс была светло-каштановой, но дорожная пыль творит чудеса. Была светло-каштановой, стала грязно-серой. Нет, подмастерью и в голову не пришло, что ищут именно ее. Тем более что трактирщик сообщил, что да, несколько одиноких женщин у него сегодня побывали, какую господину надо? В коричневом платье? Или в зеленом? Или в сером?

Были все три. И да, пожалуй, под ваше описание они подходят. Молодые, светловолосые, оч-чень даже ничего!

Поехали они в Ринор, Калдер и Дарт, то есть в три разные стороны. Может, какие еще приметы есть?

Шрамы от плети на спине к особым приметам относились, но их Аликс напоказ не носила, так что муж (бывший – и никак иначе!) скрипнул зубами и распорядился дать ему для начала билеты в Калдер. Только на скоростной дилижанс.

Аликс поблагодарила себя за прозорливость.

На первой же остановке он попытается разыскать ту самую проститутку, никого не найдет, попробует по другому направлению...

А она сначала поедет в Трамер, а потом в Лорт, к Джинджер. Так получится дольше, но зато безопаснее. И написать подруге с дороги. Вот это она может, и как можно скорее. Обязательно напишет и отправит с особым курьером! Хоть и дорого, но жизнь всяко дороже!

Аликс незаметно коснулась рукой живота.

Держись, малыш! Мы с тобой справимся, обязательно справимся!

* * *

Третий и последний раз ветер решил полюбоваться на людей перед долгим полетом над морем и снизился у окна дворца.

Там сидели трое человек. Мирно беседовали, пили что-то сладкое из маленьких чашечек – милая семья. Если не обращать внимания на корону, тускло поблескивающую в волосах одного из собеседников.

Ветер невольно вслушался.

– Ты уверена, что так надо?

– Вполне.

– Я могу все исправить своей волей.

– Можешь. Но это будет неправильно. Это моя судьба... наша. Наша дорога и наш долг.

– Прошлый раз вам повезло. А если в этот раз не повезет?

– Стен, умоляю, дай нам возможность разобраться самим!

Его величество Стеовальд Второй, которого женщина так запросто называла Стеном, нахмурился.

– Ладно. Я не стану вмешиваться, но ты примешь мои условия.

– Какие?

Третий собеседник говорил мало, очень мало. И старался держаться в тени. Его величество посмотрел в ту сторону, откуда раздался гулкий голос, покачал головой.

– Я уважаю ваше право на месть. Но я отправлю своих людей, чтобы они приглядели за вами, а в случае чего помогли.

– Мы не станем отказываться, ваше величество, – мужчина медленно кивнул.

– Благодарю, ваше величество. Это больше того, на что мы рассчитывали, – женщина опустила голову. Потом подняла, и король даже поежился.

Глаза у нее горели нехорошими желтыми огоньками. Ох какими нехорошими...

– Но меньше того, что я хотел бы сделать для вас.

– Этого достаточно.

Желтые огоньки сливаются, пока вся радужка не становится желтой. Король не отводит глаз, его словно затягивает в этот золотой огонь... И, возвращая его на землю, раздается

мужской голос:

– Более чем достаточно.

Ветер пожимает плечами, стряхивая в окно несколько пушинок.

Странные эти люди. Что-то планируют, о чем-то думают, а ведь это так здорово – лететь! Лететь вокруг мира, нигде надолго не останавливаясь и не задерживаясь, но везде выхватывая самое прекрасное и удивительное!

Люди летать не умеют. И не знают, что такое поймать душой ветер.

А жаль...

Глава 2

С момента разговора Джин с матерью прошло вот уже восемь дней. Лесс пока не объявлялся, девушка работала, ее мать вела дом – все было привычно и спокойно, пока в дверь не позвонил курьер.

– Баронесса Брайс?

– Да...

– Вам письмо. Распишитесь и приложите печать.

Курьер был запылен, письмо тоже было потрепано жизнью, значит, скакал и день и ночь... Джин послушно приложила печать, расплатилась и направилась к маме в кухню. Старшая из баронесс последнее время полюбила готовить, а дочь не возражала. Пусть мама развлекается чем пожелает, она это заслужила.

– Что это?

– Письмо. От Аликс.

– А, твоя подружка? Дурочка...

Джин пожала плечами. Аликс, в общем-то, была неглупой девушкой, но... слишком порядочной, что ли? Если Джин изначально видела, к чему может привести неудачный брак, то Аликс такое и в голову не приходило. У них-то в семье все было иначе. Поместьем правила ее мать, правила железной рукой в бархатной перчатке, отец Аликс прочно находился у нее даже не под каблучком – там-то еще усилия прилагать

надо. Скорее он был просто гвоздиком в набойке каблучка. Удобно, надежно и ходить не мешает.

Его полностью устраивало, что жена ведет все дела, что поместье в порядке, а на его маленькие прихоти всегда есть деньги. Мать рассказала Джинджер, что отец Аликс втихомолку похаживал по крестьянским девушкам, которые по-симпатичнее, и у Аликс, наверняка была пара незаконных братиков или сестричек, но вслух об этом говорить было не принято. Вот Аликс и не знала. Равно как и ее брат – бесцветно-унылый молодой человек на два года ее старше, и две сестренки, зашуганные матерью до полной потери сообразительности.

Как печально шутила Кларисса, у Резеды в доме даже мыши строем ходят, не то что дети.

Каким чудом милейшая дама не запретила своим дочерям играть с Аликс? Для девушек это и по сей день оставалось секретом. Свою роль сыграл и баронский титул, и то, что отцы Аликс и Джин были занятыми охотниками, и надо же с кем-то общаться, а количество почтенных дворянских семей на округу не так чтобы и велико...

Захолустье. Иначе и не скажешь.

С младшими сестрами Аликс, Лиреей и Мединой, Джинджер так и не сдружилась. С братом Люсьеном же...

Госпожа Резеда одно время питала надежды на брак, все же приданое у Джинджер было. Но...

Если вы хотите отделаться от нежелательного поклонни-

ка, не надо травить его собаками! Поверенного хватит! И – брачного договора.

Увидев, что по брачному договору ее сын может распоряжаться только собой, но никак не приданым жены и не ее состоянием, госпожа Резеда Лоусон взвилась, как в неприличное место пчелой укушенная. Джинджер услышала о себе много приятного и полезного.

Она – мужеподобная, наглая, невоспитанная, хамоватая, отвратительно прямолинейная для женщины и неженственная, некрасивая и неумная...

Пришлось выслушать, поблагодарить за проявленную снисходительность и поинтересоваться, за что госпожа Лоусон так ненавидит своего сына? Это ж какое отродье ему в жены захотела? Такую гадюку, как Джинджер?

Кошмар!

Может, сразу на плаху? Там хорошо, говорят, что даже и не больно почти, если палач понимающий! С вредной женой-то оно всяко хуже будет. И дольше.

Госпожа Лоусон взвыла белугой – и ушла из жизни Джинджер. Единственный раз, когда они увиделись после того случая, это свадьба Аликс.

Милая девушка выходила замуж за невесть каким ветром занесенного в их глушь графского сына. Сэндер Пирлен был молод, красив, неглуп... сокровище, а не мужчина.

Аликс влюбилась и пребывала в состоянии непрекращающегося восторга.

Джинджер почесала нос и уточнила – как такое чудо дожило до тридцати лет и никому не потребовалось?

Оказалось, что у бедного мальчика была очень несчастливая жизнь. Ну, такая несчастливая жизнь, что просто хотелось добить его из жалости...

Брак с Аликс у него был под номером два. А первый брак был расторгнут по всем правилам.

Супруга вернулась в свой род, забрала с собой дочь, уехала из страны с любовником, и где они, несчастный муж и отец так и не знал. А он ее так любил, так любил...

Причина?

Мм... да стерва она была! Стерва и гадина! Не оценила такого мужчину!

Вот она, Аликс, сразу оценила несчастного Сэндера! И любить его будет! И все у них будет хорошо, даже просто замечательно!

Бессердечная Джинджер рекомендовала навести побольше справок, чтобы не оказаться в дураках. Кто его знает, может, супруга не просто так сбежала, а например, родила она дочь, муж погулял на радостях, а потом жену дурной болезнью заразил? Или пил? Или в карты играл?

Зачем-то же его занесло искать невесту в такую глушь, где даже цапли не летают! Или это от большой любви к провинциалкам? Ну-ну...

В семнадцать лет девушке не полагается быть такой? Помилуйте, здравомыслие от возраста не зависит. Жаль, что не

все его разделяют.

Джинджер обозвали бессовестной и бессердечной, подключилась госпожа Лоусон, и девушку общими усилиями заткнули. Хотя и зря, с ее точки зрения. Надо было бы наоборот, выловить жениха, взять в клещи, втроем-вчетвером, и наддать с вопросами! Чтобы отвечал на них часика два, пока не проговорится!

Правильно поставленный вопрос (или допрос?) – великая сила!

Не вняли.

И оказалась Аликс замужем, а Джин – подружкой невесты, хорошо хоть, от букета увернуться удалось. Поймала его одна из сестер Аликс – да так удачно, что вскоре вышла замуж за спивающегося вдовца с детьми. Есть чему порадоваться.

Зато приданого не потребовали! А для госпожи Лоусон это было главным ориентиром! Главное ведь, чтобы человек был хороший и у нее денег не требовал! Вот!

Интересно, что потребовалось подруге?

Печать жалобно хрустнула в сильных пальцах.

Дорогая Джин!

Верь, это действительно я. Могу напомнить тебе наш разговор перед свадьбой. Ты сказала, что дело нечисто и надо бы как следует допросить моего жениха. Я возразила, у нас завязался спор, и ты привела свою мать в пример.

– Вот как? – поинтересовалась Кларисса.

– Мам... извини. Я была мелкая, глупая и хотела ее отговорить.

– Надеюсь, впредь умнее будешь, – Кларисса не сердилась на дочь, но к чему посторонних посвящать в подробности их семейной жизни? Не стоит...

– Буду. Но это было, мы были одни, ее мамаша пришла уже потом...

– Ах, Резеда, наш кошмар и беда, – весело пропела мать. – Ужасная женщина! – это было сказано уже без всякого смеха. – Просто кошмарная.

– Зато жива, здорова и всем гадостей желает, – Джин пожал плечами. – Одно качество, которому не грех бы поучиться, у нее есть. Потрясающая жизнестойкость.

– Да уж. Тараканы плачут от зависти. Их хоть туфлей убить можно, а ее ничем не выведешь.

– На Резеду Лоусон такой туфли еще не придумали. Читаю дальше?

– Слушаю!

Сейчас я признаю честно – я была душой.

– Какой редкий случай. Обычно люди признают, что ты была душой, а они просто тебя послушались.

– Так ведь не послушались же? – посмотрела на мать Джинджер. – В данном случае?

– А это неважно. Зато виноват кто-то другой. Так поругаешься – и жить легче.

Джин фыркнула, тряхнула головой.

– Мам, если бы они меня послушали... тебе не надоедает быть правой?

– Если бы моя правота не была оплачена годами жизни... Постарайся, чтобы твои годы не пошли в уплату за никому не нужные прописные истины!

– Обещаю. Читать дальше?

– Слушаю!

Женщины переглянулись и дружно фыркнули.

Мать и дочь? Да нет, скорее подруги, которые настолько хорошо знают друг друга, что смысла кривить душой уже нет. Все равно там большая часть душ одинаковая.

Сэндер изменился вскоре после нашей свадьбы. Сначала он поднимал на меня руку очень редко, потом все чаще и чаще. Недавно я поняла, что рано или поздно он убьет меня. И нашего ребенка.

Джин, я знаю, что не могу вернуться к родителям. Мать сама отдаст меня мужу, еще и нотацию прочтет. Я прошу тебя о помощи.

– Козел, – коротко высказалась Кларисса, забыв про свое аристократическое происхождение.

– Ничтожество и мразь, – Джин со злостью поглядела на письмо.

– По крайней мере, у Аликс хватило ума понять, что Резеда выдаст ее супругу.

– Для этого и ума не надо, – высказалась Джин. – Был бы

у Аликс ум – давно бы удрала.

– Ты читай дальше, я слушаю.

Я сбежала от него и окольными тропами пробираюсь к тебе. Понимаю, что являюсь обузой, но больше мне обратиться не к кому. На коленях умоляю тебя о помощи. Если не мне, помоги хотя бы моему ребенку! Пожалуйста, Джин!

– Дальше тут неразборчиво.

– Почему?

– Слезами, видимо, залила. Вечно она носом хлюпает.

Я буду у тебя примерно через десять – пятнадцать дней. Спасибо за твои письма, иногда я все же могла их прочитать, и надеюсь, что ты сейчас в столице.

Твоя глупая Аликс

Джинджер и Кларисса переглянулись. Мать и дочь в этот момент были похожи, как человек и его отражение в зеркале. И возраст тут был не важен, просто на милых лицах появилось одно и то же выражение сосредоточенности и холодной решимости. Поджались пухлые губки, пролегли морщинки между бровями, заострились скулы, сузились широко распахнутые глаза...

Куда и девалось очарование?

В кухне словно две большие хищные кошки замерли, думая, куда прыгнуть. И той крысе, которая окажется в месте прыжка, сильно не поздоровится.

– Дай сюда письмо, – нарушила молчание Кларисса.

Джин фыркнула, скомкала листок в бумажный шарик и сама ловко забросила его в печку. Минутой позже туда же отправился конверт.

– Так-то лучше.

– Намного лучше. Давай обдумаем план?

– Мам, давай ей поможем?

– Джин, я надеюсь, что ты поумнее своей подруги? *Естественно*, мы ей поможем, – Кларисса раздула тонкие ноздри. – Я понимаю, что из нас двоих зарабатываешь ты, но...

– Мам, Аликс нас не обременит. И ее ребенок тоже. А я просто буду работать больше.

– Или выйдешь замуж за Лесса.

– Лесс! Вэшшш! Мам, мне же надо ехать, знакомиться с его родными! Нам надо!

– А Аликс приедет к закрытой двери?

– Да нет, это в любом случае плохо. Даже если мы оставим ей ключ... исходим из того, что Сэндер не дурак?

– Не будем недооценивать врага. Итак?

– Допустим, Аликс удастся сбежать. И добраться до нас. А где будет искать ее муж?

– Сначала он кинется к ее родным. Обязательно.

– А потом к нам. Вряд ли у нее было так много подруг...

– Собственно, ты – единственная.

– Сэндер пожалует сюда. Потребуется у нас выдачи жены, и мы обязаны будем ее отдать.

– Вот еще! – ошетибилась Кларисса, всем видом показы-

вая, что на нее долги не распространяются.

– Мам...

– Да знаю я, знаю...

Кларисса все отлично понимала. Надо полагать, первая жена Сэндера была ему ровней и ее семья могла защитить несчастную на время развода, а они? Две хрупкие женщины?

Убить негодяя они могли, но это было чревато проблемами с законом. Рука бы не дрогнула, но где труп прятать? В погребу закопать?

Это жизнь, а не романы вроде тех, что на досуге писал редактор Джин. С призраками, интригами и замурованными в стенах девицами. И, разумеется, рисунками от юной леди Брайс. Спросом они пользовались, но применять их к реальной жизни? Пфф...

– Остаться здесь нельзя. Надо уехать. Уезжать нельзя, надо дождаться Аликс.

– Мам, а если ты останешься, дождешься ее – и вы поедете за нами? К Лессу?

– А ты?

– А я поеду с ним!

– Одна?! С посторонним мужчиной?!

– М-да... А если в почтовой карете?

– Вы еще мужем и женой представьтесь!

– Мам, а если ты заболеешь? И попросишь меня поехать с Лессом, чтобы я не заразилась?

– И какое это имеет отношение к репутации?

Джинджер коротко ругнулась, забыв о том, что приличная девушка таких слов не знает. Впрочем... знаете, какие слова употребляет приличная девушка, чтобы получить от редактора газеты свои деньги? Вдохновенно-неприличные, вот!

– А если нанять временную компаньонку?

– Все равно это неприлично.

– Но в этом меньше неприличия, чем если я поеду вдвоем с Лесли.

– Тоже верно. Кого возьмем? Обратимся в агентство по найму? – Кларисса просчитывала все варианты.

– Нельзя, – отрезала Джин.

– Почему?

– А ты представь себе. Я уехала, к тебе в гости приехала девушка, потом мы вдвоем поехали вслед за тобой... и соседи все видят!

– И расскажут Сэндеру.

– А тот помчится вслед за вами, – добила Джинджер. – Нет, мам. У меня есть другой план. Вот представь себе, ты заболела, я уехала с Лессом, а спустя несколько дней ты выздоровела, а я заболела. А когда я выздоровела, мы поехали на воды.

– Погоди, не поняла?! Кто из нас заболел? И кто куда уедет?

– Для Лесса заболела ты. Чтобы потом приехать вслед за нами вместе с Аликс.

– Так, – в глазах Клариссы прорезалось понимание.

– Для соседей заболеешь сначала ты, чтобы для Лесса было достовернее, а потом, когда я уеду, ты выздоровеешь, а я от тебя заражусь и слягу, понимаешь?

– Вполне. А когда приедет Аликс...

– Переоденете ее под меня и поедете вслед за мной. А соседям скажете, что на воды, для поправки моего здоровья. Или правду – с женихом знакомиться.

Кларисса размышляла пару минут. План был хотя и сложен, но выполним. А главное, посторонние оставались в неведении о происходящем в доме Брайсов.

– А слуги?

– Тебе так сложно приносить мне несколько раз в день чашку бульона или чай с сухариками? Или посидеть в моей комнате? К тому же постоянной прислуги у нас, считай, и нет. Мэгги дадим отпуск, пусть съездит в деревню к родным, кухарка у нас дальше кухни не выходит, ну и все? Голоса у нас похожи, покашляешь немного в моей спальне, что еще нужно?

– Ларс.

Старый дворецкий точно не одобрил бы такие планы. Но...

– Мам, а Ларса мы отправим в Брайс. Съездить и вернуться. Письмо отвезти с распоряжениями.

– Какими?

– Я придумаю какими, дело несложное. Завтра с утра его и отправим.

Кларисса задумчиво кивнула. Жизнь, конечно, не роман, но иногда в ней такие ситуации бывают – книга позавидует.

– Тогда тебе и правда надо уезжать втайне ото всех.

– Аликс окажется в безопасности, а там мы придумаем, куда ее пристроить до рождения ребенка и что делать с ее супругом.

– А что с ним можно сделать? Есть только один вариант.

– Подавать на развод, – припечатала Джин.

– И как можно скорее, – припечатала Кларисса.

– Мам, а беременность?

– Вопреки всем мифам, детка, беременная женщина – очень выносливое существо, которое ради своего ребенка не то что на развод пойдет, на гору залезет!

– Ох...

Джин подумала, что ей это только предстоит. Сначала беременность, за ней роды, говорят, это больно, да и потом... вот лично она не представляла, что делать с ребенком? Понятное дело – рожать, воспитывать... а как? Что, мужа той же Аликс не воспитывали? А все равно выросла скотина, которая бьет женщин. И Резеду Лоусон тоже воспитывали, и ее саму – и такие разные результаты? А если у нее ничего не получится?

Эти сомнения она и озвучила матери, на что получила выразительное пожатие плечами.

– Не попробуешь – так и не узнаешь. Главное, выбрать хорошего отца для своего ребенка, а то будет как у Аликс

или у меня.

– Надеюсь, не будет.

– Надейся. А я пошла болеть.

Джин кивнула.

– А я тогда... кто у нас там карточки прислал? Надо на-
нести пару визитов и рассказать о твоей болезни.

Мать и дочь переглянулись и согласно кивнули. Им и в голову не пришло, что это не их дело, что муж и жена сами разберутся, что лезть в чужую семью и жизнь не стоит и еще куча всяких отговорок, которые используют люди, чтобы избавить себя от лишних проблем и сложностей. Они просто понимали, что надо помочь.

Не ждали ничего взамен, не искали выгоды, все было совершенно бескорыстно. Просто потому, что зло надо прекращать. И это – правильно.

* * *

Сэндер Пирлен был в ярости.

Впрочем – нет. В ярости – это когда ломаешь мебель, орешь и швыряешься чем попало – он был, когда вернулся домой и обнаружил там отсутствие жены. И стал ждать, чтобы ее наказать.

Час, два, три...

Потом понял, что жена утащила у него деньги, и сообразил, что она сбежала.

И не вернется.

И ярость перешла в холодное бешенство.

Вторая, уже вторая...

С-суки!

Сэндер не считал, что делает что-то плохое. Ну, подумаешь, поучил жену раз или два! Бывает! А что делать, если она глупа, непокорна, неужлива, и вообще – с такой на людях появляться стыдно: ни слово сказать, ни пошутить, ни выглядеть достойно.

Тот простой факт, что с синяками красиво не оденешься, а запуганная женщина не будет блистать остроумием, ему в голову не приходил.

Зато туда приходила куча способов поучить зарвавшуюся жену.

Как она смела?

Опозорить его побегом! Он! Взял эту тварь из помойки, дал ей свое имя, кров над головой, не ограничивал в расходах... ну, требовал согласовать с собой, но это же понятно, ни один мужчина в здравом уме не даст жене тратить деньги бесконтрольно! Это естественно!

Не так уж и много он требовал!

Красивую, умную, послушную жену, которая будет идеально... ну ладно, хотя бы неплохо вести его дом, рожать ему детей, выглядеть в обществе так, чтобы ему завидовали, уметь поддержать беседу, потанцевать, чтобы ему не пришлось краснеть за дуреху.

Увы...

Аликс была далеко не идеалом. Не слишком умная, недостаточно красивая и светская, она то краснела, то ляпала какие-то глупости, а он терпел. Сначала, конечно, с ней было весело. Но потом, когда приелось очарование новизны и он стал обтесывать супругу под свои стандарты, Аликс выказала прискорбное упрямство. Она решительно не хотела идти мужу навстречу.

Не хотела учиться, совершенствоваться, не хотела становиться такой женщиной, которая нужна ему, многого не понимала, не участвовала в его забавах...

С ней стало неинтересно.

Естественно, Сэндер раздражался!

И так же естественно проявлял свое недовольство!

Но даже тут, вместо того чтобы подумать, понять и разобраться, эта маленькая дрянь посмела сбежать из дома.

Посмела!

Сбежать!!!

Сэндер мрачно посмотрел в стену.

Когда он найдет эту тварь, она пожалеет, что на свет появилась.

Куда она могла побежать? Скорее всего, к своей мамаше. Вот туда-то он и наведается...

И горе Аликс, когда он ее найдет.

Лесс ехал в столицу.

Копыта коня мерно выстукивали ритм по дороге, а в его голове звучало одно и то же слово.

Джин-джер, Джин-джер, Джин-джер...

Его девочка, его любимая, *его*...

Неужели он нашел то, что искал всю жизнь? Искал, не понимая, что именно ищет, вглядывался в лица проходящих мимо женщин, иногда останавливался чуть подольше, но потом понимал – не та! Нет, не та.

И со стоном разочарования двигался дальше.

Джин была совершенно иной.

Лесс иногда думал, что и в свете ее принимали именно благодаря ее инаковости. Странная, очень странная девочка. Не слишком красивая, но симпатичная, миленькая и приятная, только вот признанные красавицы рядом с ней меркли, благодаря ее характеру.

Очень теплому, доброму, открытому – она словно огонек в камине, так и хочется погреть руки у теплого пятнышка, посидеть, наблюдая за переливами света и цвета, и это занятие никогда не надоест. Он мог бы смотреть на нее бесконечно, мог бы разговаривать с ней, общаться, жить рядом – и ему не станет скучно или тоскливо. Рядом с ней никогда не бывает скучно.

У нее острый язычок, иногда злой, но жестокости она никогда не проявляет. Джинджер постоянно за кого-нибудь заступается, и ей это прощают, потому что даже самые строгие ревнители традиций видят: она не притворяется. Она просто такая изначально. Так живет, думает, дышит – и отнять у нее это качество не получится.

Неглупая, воинственная, иногда серьезная, иногда смешливая, как дитя, с самыми парадоксальными суждениями...

Иногда ее хочется обнять и защитить, а иногда...

Лесс даже себе не признавался, что Джин сама может защитить кого угодно, и его в том числе. Это ведь не женское качество! Совершенно не то, чего ждет мужчина от своей жены. А ждет он покорности, податливости, мягкости и уюта, чтобы чувствовать себя самым сильным и смелым, главным в семье, опорой и защитой.

Получится ли это с Джинджер?

Неважно!

Он все равно ее любит! И сделает ей предложение! И они проживут вместе много долгих счастливых лет, он-то знает...

Он, она, их дети...

Перед глазами поплыли и другие лица.

Мама Джинджер, разумеется, будет жить в Брайсе, его мать – с ними. Будут приезжать в гости сестры, будут смеяться и дружить домами дети...

Розовые мечты оборвала сволочная лошадь!

Гнусная скотина, заметив, что всадник чуть ослабил контроль, воспользовалась этим по полной программе. Сделала шаг, другой, споткнулась – и мечтатель полетел аккуратно в придорожную канаву.

Видимо, это закон всех миров разом. Лето может быть сухим и теплым, может быть засуха, но вот в таком случае в канаве обязательно окажется грязь. В которой Лесс и уделался по самые уши.

Лошадь с интересом слушала его мнение о своей родословной, прядая ушами, но вины за собой не ощущала, как и любая урожденная скотина.

Размечтался тут, понимаешь!

* * *

Небольшая контора из тех, мимо которых пройдешь и не заметишь. Скромная коричневая вывеска, простенькая мебель, грязные окна – с улицы почти не видно, что происходит внутри, тяжелые занавеси.

За старым поцарапанным столом сидят двое мужчин – один типичный лавочник по виду. Лет сорока – пятидесяти, невысокий, кругленький, с уютной лысиной и брюшком, с роскошными пшеничными усами – его так и хочется представить в колпаке у печи или в лавке, расхваливающего фрукты. Опасность?

Да что вы говорите?! Какая опасность?

Оружие под одеждой?

Наверняка вы ошиблись! Это не нож, это... ложка! Такой милый человечек не может не быть чревоугодником. Коричневый костюмчик сидит на нем как родной, рубашка поблескивает кипенно-белыми манжетами, но в толпе на нем не остановится взгляд. Его даже описать сложно... круглое, уютное... как хлебушек из печи. Вот и все впечатления.

Второй собеседник поинтереснее.

Это явно мужчина – не бывает у женщин ни таких плеч, ни такого голоса, но лица разглядеть не удастся: он с головы до ног закутан в плотный черный плащ, на руках – перчатки, на ногах – высокие сапоги. Лица не видно в тени капюшона, голос низкий, глуховатый...

Странный заказчик?

Но главное, что он деньги платит.

– Вы подготовили то, что я просил?

– Да, господин.

На стол между двумя мужчинами легла толстенная кожаная папка.

– Здесь все, что вы желали знать о Кон’Ронгах.

– Замечательно. Сколько я должен?

– Еще семьдесят монет золотом, господин.

На стол мягко улегся кошелек.

– Здесь полторы сотни. Но вы меня никогда не видели и не знаете.

– Разумеется, господин! Даже если передо мной поставят

десять человек, я вас все равно не узнаю. Позволено ли будет мне заметить, что, когда мы вновь встретимся в первый раз, я буду счастлив оказать вам услугу?

Из-под плаща доносится короткий смешок, человек явно оценил шутку.

– Я запомню.

С тем он и откланивается, унося с собой папку. Его провожает довольная улыбка пекаря.

Внешность – это часть образа, и сейчас маска снята. Кой там добрый дядюшка, кой там безобидный пухлячок. Деньги перебирает уже качественно иной человек – жесткий, расчетливый, умный, собранный...

Его нанимают в тех случаях, когда надо что-то узнать. Разнюхать, раскопать, разгрызть чужие тайны острыми клыками – и он выполняет свои заказы безукоризненно. Мало кто может его заподозрить – да вообще никто. Ему доверяются, многое рассказывают, не держат тайн – и он пользуется людьми в своих интересах.

А почему нет?

Люди его точно не пожалеют, да и вообще, если кто-то не делал другим зла, что сможет найти частный сыщик?

Ничего.

Честному человеку бояться нечего, так-то. А нечестному...

А кому сейчас легко?

Ему вот тоже тяжело. Жена, дети, родители – и все это на

нем, все на нем... хорошо, когда клиент щедрый. Сегодня он добавит пятьдесят золотых на приданое старшей дочери. Пусть ей пока только тринадцать – не успеешь оглянуться, как заневестится.

Дети...

На что мы готовы ради них?

Да на все.

А впрочем, хватит философии! На сегодня работа закончена, его ждут дома.

«Булочник» накинул простенький коричневый же плащик – и направился домой. К родным. Монеты приятно оттягивали карман.

* * *

На этот раз вместо кареты перед нами интерьер дорогого отеля. Такого, где постояльцы чувствуют себя лучше, чем дома. Правда, и стоит это дороже чугунного моста, но зато уютно и красиво.

Дорогие кремовые драпировки, пушистые ковры, камин, два уютных кресла перед ним. Номер для избранных.

И в креслах тоже двое.

Мужчина и женщина. Мужчина держит на коленях папку. Плащ он, впрочем, так и не снял, и перчатки тоже. Мало ли?

Отель это все же не твой дом. И может войти горничная, вломиться пьяница...

Всякое бывает.

– Читать вслух?

– Да, милый. Пожалуйста.

– Итак, Кон'Ронг. Граф Кон'Ронг, последний граф – Лесс Кон'Ронг. Сын Дженет Кон'Ронг и Лукаса Кон'Ронга. Сейчас парню двадцать семь. У него есть две старшие сестры – Тиана Кон'Ронг и Кейт Кон'Ронг. Старшая – Тиана, она на девять лет старше брата, средняя – Кейт, родилась через четыре года, и еще через пять лет – Лесс. Тиана вышла замуж за Ивара Ривена, небогатого дворянина на семнадцать лет старше ее. Сейчас живет с супругом в Ривен-холле, сын – Андрес, семнадцати лет от роду, учится в Клостере. Так, тут по финансовому положению, читать?

– Лучше своими словами, сынок.

– Если своими словами, – опять зашуршала бумага, – перебиваются с хлебушка на водичку. И ты сами из колодца достают. Клостер – дорогое удовольствие.

– Значит, все отдают ради сына. Учтем. А братец не помогает?

– Кон'Ронг небогат. Можно сказать – нищенски небогат.

– Вот как? – в голосе женщины слышалось нечто вроде удивления. Неприятного удивления.

– Мы еще до этого дойдем. Давай сначала о людях, а потом о землях?

– Пожалуй.

– Тогда вторая дочь. Кейт. Вышла замуж за обычного эс-

квайра, тоже на семнадцать лет старше ее, что интересно – тоже Ивара. Только Линоса.

– Подражала сестре?

– Полагаю, что да. Вот тут в отчете – всегда завидовала, ненавидела, пакостила... в десять лет Тиана попала к лекарю с сильными ожогами рук. Ее возили в столицу, возили на воды...

– Причина?

– Кто-то подлил кислоту в ее крем для рук и лица. Лицо, по счастью, она намазать не успела.

– Замечательная сестренка.

– Да. Кстати, вот тут еще отчет. Лесс Кон'Ронг, пяти лет от роду, тоже наблюдается у того же лекаря с сильной травмой головы. Малыш мог остаться калекой до конца своих дней.

– Сестры?

– Да. Дети играли вместе, старшая сестра считает, что она во всем виновата, споткнулась и уронила малыша...

– Ты думаешь, опять средняя?

– Я думаю, что в детской игре сложно определить, кто и в чем виноват, но... Тиана старшая. Ее любили, потому что первенка, – при этих словах женщина странно улыбнулась, но мужчина продолжил: – Лесса любили, потому что он сын, наследник, долгожданный, выстраданный, чуть не десять лет его делали после первой дочери. А Кейт осталась неприкаянной. В детстве болезненный, хилый ребенок, капризный, нервный...

– Откуда такие сведения?

– Сыщик, которого я нанял, не поленился прокатиться в Кон’Ронг и расспросить местного лекаря. За хорошую сумму – когда надо выдавать замуж любимую доченьку, на приданое будешь собирать всеми средствами, он рассказал все. Все, что знал о Кон’Ронгах, а работает он в том округе уже больше двадцати лет. Вот и накопилось...

– Ясно. Что еще?

– По детям или по родителям? У Кейт двое детей, старший Колин, лет тринадцати от роду, младшая Эллина, родилась недавно, ей около года, каждое лето она присылала Колина в Кон’Ронг. По утверждению того же лекаря, отвратительный ребенок. Ни дня без беды, ни дня без вызова.

– Так это же выгодно?

– Ну... вот, по словам лекаря: *«... чувствую непреодолимое желание дать Колину Линосу яда. По крайней мере, ни он мучиться не будет, ни с ним. Не ребенок, а ходячая проблема...»*

– Очаровательный мальчик.

– Портретов здесь нет. Только внешнее описание.

– Лесс не гнал племянничка из замка?

– Замок большой. Проблемы у слуг, которым устраивала разносы вдовствующая графиня. А у Лесса Кон’Ронга их нет. Он и не возражает. Более того, его мать постоянно повторяет, что семью надо ценить, что крепче родственных уз ничего нет...

Кривая улыбка прочно обосновалась на губах женщины.

– Своей семьи у него, полагаю, пока нет?

– Его мать не спешит одобрять увлечения сына. Впрочем... вот тут указано, что он серьезно увлекся некоей Джинджер Брайс, баронессой Брайс. Их видели вместе в парке, они танцуют на всех вечерах... короче – почти объявление о намерениях.

– Я мало что знаю о Брайсах.

– А тут о ней почти ничего и нет. Двадцать два года, живет с матерью, отец им оставил небольшое наследство, они его вложили в доходные дома и существуют на ренту.

– Неглупо.

– Ценным бумагам не доверяют, постоянно повторяют, что с экономикой в игрушки играть не надо, это как грудной ребенок и взрослый человек – все равно не выиграешь. Что захочет – то и сделает.

– Интересно. Это кто?

– Кларисса Брайс. Любит дама посплетничать со знакомыми...

– Кларисса?

– Мать Джинджер Брайс.

– А ты не хочешь познакомиться с этой Джинджер?

– Посмотрим. Если подвернется – обязательно поинтересуюсь, что ж там за девушка такая.

– Вот-вот, поинтересуйся.

– Поинтересуюсь. Мы ведь задержимся пока в столице?

– Да.

– Переходим к старшему поколению?

– Пожалуй. Младшее – детей осветили, среднее – там точно больше ничего интересного?

– Тиана, Лесс, Кейт... да нет. Разве что братец привязан к старшей сестре, среднюю недолюбливает, но помогает обеим в меру сил и возможностей. Особыми талантами не блещет, пытается играть с кораблями и товарами, где золотой зарабатывает, где потеряет, выходит примерно в ноль.

– Хм-м...

– Старшее поколение?

– Да.

– Из ныне живых – Дженет Кон'Ронг, вдовствующая графиня Кон'Ронг. Очень порядочная, очень набожная, очень праведная. Ведет исключительно затворнический образ жизни. Ходит в храм четыре раза на неделе, а иногда даже шесть, вышила для храма три алтарных покрывала. Деньгами не помогает.

– А бедным?

– Тоже. Считает, что бедность ниспослана человеку как кара за его грехи. Вот пусть сам думает, в чем он провинился, а она поможет ему исправиться. Но только словами, исключительно словами. Происходит из обедневшего рода, предки – миссионеры, сама она собиралась в монастырь, но в тридцать лет ей сделал предложение Лукас Кон'Ронг. Жених был почти на двадцать лет старше невесты, но Дженет

это не смутило. Она вышла замуж и принялась рожать детей.

– А Лукас?

– О нем мало. Он умер почти пятнадцать лет назад, Лесс был еще маленьким, и все взяла в свои руки вдова. Вот. По словам того же лекаря, Лукас сильно болел, тяжело болел, ему пришлось отнять обе ноги, перед смертью он очень мучился... собственно, лет пять до смерти у него жизни и не было.

– И почему я ему не сочувствую?

– Полагаю, мам, у тебя есть для этого причины, – ответил с хитрой улыбкой сын, возвращаясь к бумагам. – Уж насколько он был счастлив – неизвестно, но говорят, перед смертью просил вернуться какую-то Ирэну, каялся, плакал, словно дитя...

Злая улыбка на губах женщины сменилась грустной.

– Что за Ирэна?

– Лекарь не знает. Говорит, что леди Кон’Ронг менялась в лице от этого имени, но и только. Он никаких Ирэн в округе не заметил – из тех, что могли иметь отношения с графом.

– Вот даже как...

– Все думают, что это его любовница и он в чем-то виноват... как-то так.

– Так, иначе... Как мы любим каяться, когда все уже бессмысленно.

– Зато Бог простит. Известно же – согреши и покайся, а если не согрешишь – то каяться не в чем будет, а сие уже

гордыня есть, а гордыня – это зло. Безгрешных же у нас не бывает.

– Это верно. Бывают непойманные.

– Дальше читать?

– Читать.

– Но тут не особо много. Про леди Дженет, какая она хорошая, милая, обаятельная, как она от сына разогнала всех девушек – Лесс для нее свет в окошке, единственный сын, самое большое счастье...

– Счастье... да... счастье...

Мужчина выскользнул из кресла, почти упал на колени рядом с матерью.

– Не думай, не надо. Мама, не плачь, пожалуйста, у нас все будет хорошо. Все будет хорошо, обещаю!

Но по щекам женщины струились слезы.

Забыто многое, столь многое...

Ничего, так даже лучше. Она скромная, она не постесняется напомнить о себе после того, как нанесет удар. К чему лишняя известность?

Вовсе даже ни к чему.

Ирэна Гервайн коснулась волос сына и прикрыла глаза. Наступало время мести.

Глава 3

– Джинджер!

Лесс спрыгнул у двери, постучал бронзовым молоточком и влетел в дом, едва ему открыли.

– Джинджер!!!

Девушка застучала каблучками со второго этажа.

– Лесс! Тсс!

Мужчина послушно примолк, но радостная улыбка с его губ так и не ушла.

– Что случилось?

– Мама приболела, я за ней ухаживаю.

Улыбка привяла.

– А я хотел поговорить с ней...

– А я тебя никак не устрою? Поговорить?

– Разумеется! Джин, – мужчина прямо в холле опустился на колени, извлекая из кармана маленькую коробочку, – выходи за меня замуж?

Бриллиант в кольце был хотя и не идеальным, но очень приличным, в этом Джин разбиралась. И сапфиры, которые его окружали, были вовсе не плохи.

Да и сам мужчина.

Высокий, стройный, симпатичный, пусть с чуть детским выражением лица, но многим и это за счастье, опять же граф, то есть даже титульный рост, не бедствует, не пьет, в карты

не играет... что еще нужно?

Не ясно.

Но уж больно продажно это звучит.

Впрочем, на личике Джинджер эти мысли никак не отразились. Вместо этого она молча протянула руку, и колечко скользнуло на средний палец.

– Джин, моя Джин!

Лесс заключил девушку в объятия.

Та и не сопротивлялась, отмечая, что восторга у нее не возникает. И дрожать от возбуждения не получается, и терять сознание... расчетливая она такая, что ли?

Где вдохновение-то? При написании статьи она и то чувствовала больше энтузиазма!

Лесли принял ее реакцию за естественное девическое смущение и расцепил руки.

– Я бы хотел сообщить о нашем решении твоей матери, дать в газеты объявления о помолвке и пригласить вас познакомиться с моей семьей. А свадьбу можно назначить на осень, ты не против?

Джинджер кивнула – мол, не против. А мать...

– Я сейчас поднимусь к маме, проверю, как она себя чувствует. Если все в порядке, она тебя примет.

– Отлично!

– А насчет визита... Лесс, милый, пока мама не окрепнет, я никуда поехать не смогу. Одной мне неприлично, и ее я не брошу.

На лице мужчины отразилось такое явное разочарование, что Джин едва не фыркнула. Но удержала лицо и направилась вверх по лестнице, чувствуя горячий мужской взгляд чуть пониже поясницы. И что там такого занимательного?

Она вот мужчинам никогда туда не смотрит, полагая, что главное – ум. А у них другое мнение? Как интересно...

* * *

Кларисса усиленно изображала больную. С чашкой чая, коробкой пирожных, стопкой газет и несколькими романами на одеяле. Дополняли картину аккуратно заплетенные волосы и роскошный шелковый халат. Болеть надо с удобствами.

– Мама, можно?

– Да, дорогая. Ты одна?

– Да, мамочка...

Почтительная дочь, страдающая мать, акт первый, сцена первая.

Дверь захлопнулась за Джин.

– Мам, тут Лесс. Он хочет поговорить с тобой.

– И?

Джин молча продемонстрировала руку с кольцом.

– Покажи поближе! – Кларисса оценила камень и кивнула. – Неплохо. У мальчика есть и вкус, и деньги. Поможешь?

В четыре руки были убраны пирожные и романы, Кларисса прошла пуховкой по лицу, задернула шторы...

– Мам, мы не переиграем?

– А как же жар? – Кларисса коснулась щек мазками румян и забралась под одеяло. Выглядела она теперь просто жутковато.

– Действительно, как же без жара, – согласилась Джин, задвигая газеты поглубже под кровать и думая, что горничной надо бы руки оторвать. И откуда под кроватями берется столько пыли? Тьфу! Мам! Апчхи! Жуть какая!

Кларисса фыркнула, разливая сердечные капли. Обладая приторным, въедливым запахом, они были просто ужасны в больших количествах. Отвратительны.

– Ничего.

Кларисса раскинулась на подушках, подоткнула одну из них поудобнее и посмотрела на дочь.

– Зови. Кстати, ты заметила, что наличие больной матери воодушевляюще действует на мужчин? Они считают, что жениться надо на сироте.

– Но совершенно забывают, что о том же мечтают и девушки, – Джин поцеловала мать в щеку и выскользнула за дверь, на глазах становясь ужасно серьезной и расстроенной.

– Лесс, милый, мама проснулась, но она так слаба... я прошу, не утомляйте ее сильно.

– Разумеется, дорогая.

Джин прикусила язык, хотя вопрос, сколько же она стоила, так и рвался с языка. Раз уж «дорогая»?

Лесс замешкался на пороге комнаты. Он не привык к та-

кому. Было сумрачно, пахло каким-то лекарством, Кларисса Брайс лежала, откинувшись на подушки, и составляла разительный контраст с веселой, остроумной, цветущей женщиной, к которой привык Лесс.

Запавшие глаза с кругами под ними (сажа, нанесенная умелой рукой), бледные тонкие руки (Джин прикусила губу, увидев, что на одеяле остается след. Переборщили с пудрой!), хриловатый голос...

– Лесс, дитя мое, я рада вас видеть.

Джин сверкнула глазами – мама, переигрываешь! Но Кларисса даже и не подумала останавливаться.

– Надеюсь, вы в добром здравии? Я вот, увы, не могу им похвастаться. Возраст...

– Что вы, леди Брайс! Вы замечательно выглядите, – лож застряла в горле у Лесса так, что он аж поперхнулся. Кларисса благородно сделала вид, что ничего не заметила, и закашлялась. А не надо было мороженое кушать. Да еще в таких количествах!

– Надеюсь, вы надолго в городе?

– Леди Брайс, я хотел... я хотел пригласить вас с Джинджер в Кон'Ронг!

– Простите?

– Я сделал Джинджер предложение, и она его приняла. Мы просим вашего благословения.

Кларисса закашлялась еще более страшно, едва не до приступа.

– Я согласна, Лесс. Но вы пообещаете сделать мою дочь счастливой.

«Безумно трогательно», – съязвила про себя Джин. Но на Лесса подействовало.

– Леди Брайс! Я... я...

Сквозь заикания и вздохи пробилась истина. Жизнь положит, но Джин осчастливит! Потом воскресит и осчастливит повторно.

Тьфу!

Еще полчаса ушло на раскланивания, которые надоели Клариссе так, что женщина принялась изображать подыхающего лебедя уже через двадцать минут. И наконец родилась истина.

Кларисса не может встать на пути дочкиного счастья, а потому Лесс берет невесту под нежные ручки и везет в родовой замок. Знакомиться с мамой, с семьей, да и вообще показать себя во всей красе. Чтобы не было никаких проблем, нанимают девушке временную компаньонку, завтра же обратятся для этой высокой цели в агентство.

Кларисса выздоравливает – и отправляется вслед за дочкой.

Разумеется, тут было все. И вдохновенное: «Мама, как же я могу тебя оставить!» – от Джин.

И не менее воодушевленное: «Дочка, моя жизнь заключается в твоём счастье!» – от Клариссы.

И смущенное: «Леди Брайс, я бы никогда бы...» – от Лес-

са.

Все было так трагично, что Кларисса даже прослезилась под конец. Во всяком случае, так подумала Джин, которая проводила Лесса и вернулась к матери.

– Мам, ты плачешь?

– Ага...

– Мам, ты что? Я же не хотела...

– Я тоже. Но эта проклятая сажа мне в глаз попала.
Занавес!

* * *

Конспирация – зло?

Нет, зло – это отсутствие денег.

Если статьи в газету можно было послать по почте, то забирать деньги Джин приходила лично. Редактор предлагал открыть счет в банке, но Джин боялась рисковать. Мало ли кто заметит, что ее счет пополняется после выхода статей. Или узнают, откуда на него идут деньги.

Тогда *Ядовитый плющ* удушат тем самым плющом.

Оставалось лишь договариваться и по вечерам ходить в один тихий квартал. К маленькому домику, в котором ждали Джинджер ее деньги за статьи и рисунки.

Риск?

А жизнь вообще рискованная штука. Можно влипнуть на ровном месте...

Вот это и случилось с Джинджер.

Вечер, городская улочка, девушка в плаще и трое пьяных матросов – картина кошмарная. Убежать не получится, только не в этих жутких юбках, драться... смешно звучит.

Впрочем, это единственное, что остается.

Орать громко и бежать быстро, авось не поймают, все же пьяные...

– Девушка, пошли с нами!

– Нам как раз женской компании не хватает!

– И женской п... тоже!

Джинджер молча развернулась и бросилась наутек. Хорошо хоть, туфли с лентами, с ног не слетят.

Далеко бы она не убежала, но...

За спиной послышались крики, хрипы, удары...

Джин не сразу смогла затормозить и обернуться. Легкие горели, ноги болели, а грудь ходила ходуном так, что сейчас, казалось, порвет лиф платья и плащ.

Впрочем, и когда она обернулась, ей это ничего не дало. Трое пьяниц лежали почти в рядочек, а мужчина в темном плаще вытирал руки, испачканные чем-то красным.

– Вы в порядке, леди?

– Д... а-а-а...

Слово получилось выдохнуть в два приема, вместе с изрядной порцией воздуха.

Мужчина кивнул, не снимая капюшона.

– Это не лучшее место для молодой девушки. Вы позво-

лите проводить вас до дома? Мало ли кто, мало ли что?

Джинджер кивнула.

Мужчина пригляделся повнимательнее, вздохнул и предложил ей руку.

– Обопритесь, леди. Мы сейчас постоим, чтобы вы пришли в себя, а потом пойдем потихоньку. Я бы взял вас на руки, но такое зрелище соберет больше зевак, чем бродячий цирк.

Глухой низкий голос с рокочущими нотками, сильное предплечье под пальцами... и непроницаемая чернота под капюшоном.

Джинджер попробовала взглядеться, но спаситель покачал головой.

– Прошу вас, леди, не надо.

– Хоро... шо, – слово получилось почти полностью, прогресс. Скоро и идти сможем. – Кто вы?

– Мое имя вам ничего не скажет. Я родился далеко отсюда и рос в другой стране.

– И все же?

Мужчина рассмеялся.

– Обещаю ответить на ваш вопрос, если вы ответите на мой. Как случилось, что молодая леди из хорошей семьи оказалась в этом квартале в такое время?

Джин фыркнула.

– Конечно, я навещала заболевшую тетушку.

– А меня зовут Айвен Смит.

Девушка оценила шутку и фыркнула.

– Лорд Смит, прошу вас, сопроводите меня до дома. Обычно я крепче и нервами, и здоровьем, но сегодня совершенно не хочется рисковать.

– А если я не лорд?

– На леди вы не слишком-то похожи...

Мужчина рокочуще рассмеялся.

– Что ж, леди, обопритесь на мою руку – и в путь!

Джинджер так и поступила.

Клариссе она не сказала ни слова – мать и так переживает, к чему добавлять ей душевных страданий? И единственное, чему она удивилась назавтра, это статье в газете.

На той самой улице, она хорошо помнила ее название – Пряничная улица, нашли троих мертвых матросов.

Раны были нанесены когтями крупного зверя, предположительно тигра или льва.

Как тигр оказался на Пряничной улице, почему решил порвать матросов и почему не стал их есть – газета умалчивала.

Джинджер не сомневалась, что это те самые гуляки, но сочувствия к ним не испытывала. Это ее могли избить, изнасиловать, убить...

Убили их?

Судьба такая...

А когти? А что когти? Мало ли в мире всякого оружия, кто-то и такое придумал, дело житейское. Спасибо лорду Смигу.

Легко ли найти компаньонку для поездки в глушь?

Джин сначала думала, что да. Потом оказалось, что легче нефть в подвале раскопать.

В одном агентстве запросили столько, что, видимо, компаньонка оценивалась на вес золота. В буквальном смысле слова.

Во втором предложенная в компаньонки дама выглядела так, что Джин только головой покачала. *Это* она с собой брать точно не собиралась. Мало ли что ей предложили, но в компаньонке должна быть респектабельность. А в этом крашеном чудовище ее просто не было. Поглядев на потрепанную жизнью тетку с жуткой краской на лице, любая мать преисполнилась бы сомнений. Не в борделе ли ее нашли?

Третья рассыпалась от ветхости, четвертая смотрела на мир непримиримыми глазами религиозной фанатички, пятая...

К вечеру Джин готова была взвыть. В самом простом деле – и столько трудностей. Ситуация осложнялась тем, что она старалась действовать без огласки. Если приедет подруга, если муж будет ее разыскивать, если...

Допускать приходилось многое, слишком многое, а потому и агентства были выбраны далеко не первосортные, и спешка опять же...

К концу второго дня Джин потеряла надежду, но упорно продолжала обходить агентства. И удача улыбнулась ей в шестом по счету.

– Леди Брайс, у нас есть человек, который вам подойдет. Леди Нэйра Лидс.

Джин только вскинула брови. Подойдет ли?

Но милая леди, которая вошла в комнату, была безупречна. Высокая и стройная, с идеальной осанкой королевы-матери, седые волосы уложены в аккуратную прическу, из-под вуалетки на маленькой шляпке поблескивают очки в серебряной оправе, серое платье скроено просто, но материал на него пошел весьма дорогой, да и крой говорит сам за себя.

Изящно, строго, просто... маме тоже пошло бы.

Джин машинально присела в реверансе. Женщина благоклонно оглядела ее из-под очков.

– Здравствуйте, Джинджер. Вы позволите называть вас именно так?

– Да, разумеется. Леди Лидс?

– Вы можете называть меня леди Нэйра, милая Джинджер. Я рада буду оказать вам эту услугу и сопроводить вас с женихом в замок Кон'Ронг.

– Я буду вам очень признательна, леди Нэйра.

– Но у меня есть одно условие.

– Да?

Так Джин и знала, что идеала не бывает.

– Я приезжаю в Кон'Ронг вместе с вами – и уезжаю оттуда

также вместе с вами. Мы вместе возвращаемся в столицу.

Джин выдохнула.

– Замечательно. Леди Нэйра, я надеюсь, что вы найдете общий язык с моей матерью...

– Буду рада знакомству.

– И с моим женихом, Лессом Кон'Ронгом. Графом Кон'Ронгом.

Леди усмехнулась.

– Леди Брайс, боюсь, что ваш жених не оценит моего присутствия по достоинству. Не смущайтесь, вы молоды и горячи. А моя задача – пресекать те порывы, которые покажутся вам прекрасными, но плохо скажутся на репутации. Это весьма неблагодарное занятие...

Джин кивнула.

– Леди Нэйра, мнение моего жениха не является здесь определяющим. Жених – еще не супруг, а с репутацией мне жить долгие годы. И моим детям мои промахи припомнят...

Леди окинула девушку оценивающим взглядом зеленых глаз из-под приспущенных очков и улыбнулась. Понимающе так, чуточку насмешливо.

– Я думаю, Джинджер, что мы с вами поладим.

– Надеюсь... Вы не откажетесь познакомиться с моей матерью?

Разумеется, леди Нэйра не отказалась.

Кларисса приняла гостью также в постели, но уже без грима и душераздирающего кашля. Мужчин можно обмануть краской, женщин же...

Если только очень глупых женщин.

Так что леди Лидс была принята в спальне ради конспирации, но Джин лично подала туда чай с печеньем и осталась присутствовать. Кларисса посмотрела на леди Лидс и улыбнулась. Ей тоже понравилось увиденное.

– Леди Лидс, я могу доверить вам мою девочку?

– Я сделаю все возможное, чтобы вас не подвести, – вежливо ответила леди.

– Нам требуется сопровождение в замок Кон’Ронг. Я смогу приехать не сразу, а Джин не сможет поехать туда одна. Тем более только с женихом.

– Это совершенно недопустимо, – согласилась леди Лидс. – После такого за него придется выйти замуж, а вы хотите еще к нему приглядеться, верно?

– Абсолютно, – кивнула Джин, – вы же знаете, как это бывает...

– Отлично знаю, – на губах леди Лидс появилась кривоватая улыбка. – В свете мы все носим маски, а уж какие они получаются, красивые ли, не очень... Пока не побываешь у человека дома, пока не увидишь всех его родных, не поймешь,

чем он дышит, не побеседуешь со слугами, не поживешь с ним под одной крышей...

Кларисса и Джин расплылись в одинаковых улыбках.

– Леди Лидс, вы все отлично понимаете.

– Можете называть меня Нэйра, – снизошла леди.

Эта семья ей нравилась.

Мать и дочь, да, не самые утонченные и не самые изящные, вовсе даже себе на уме. Обе невысокие, стройные, с серьезными серыми глазами и добродушными улыбками. Обе похожи на шкатулки с драгоценностями, распахнутые настезь – так и искрятся, так и переливаются, светятся каким-то внутренним светом.

С первого взгляда все выглядит именно так.

Добрые, открытые, последнюю рубашку с себя снимут и другому отдадут.

Со второго же...

Дамы выглядят теми еще хитрюшками. Добрые-то они добрые, но мало кто задумывается, что такое доброта. Почему-то люди считают, что доброго человека легко обмануть, использовать в своих целях, подставить, а он же добрый, он простит, и все это можно будет проделать с ним второй раз.

С некоторыми так и происходит. Это мастера спорта по прыжкам на грабли.

А эти две дамы, пожалуй, немного иные. Их можно обмануть, подставить и предать. Можно, потому что они по умолчанию считают всех людей хорошими. Но только один раз.

Крайний случай – два раза. А вот потом...

Они не будут мстить, не будут на этом концентрироваться, но третьего шанса уже не дадут. Просто к обманщику развернутся спиной. И по законам жизни это произойдет в тот момент, когда помощь ему будет нужнее всего. Прости, но еще одного обмана не будет. Они будут по-прежнему улыбаться, будут такими же добрыми, даже могут что-то посоветовать, но и только. А помощи и искренности от них обманщик не получит уже никогда. Даже если от этого будет зависеть его жизнь и благополучие.

С таким характером жить сложно. И вдвойне сложно не обмануться в людях.

Леди Нэйра кивнула своим мыслям.

– Я с удовольствием поеду с Джинджер. Помогу ей приглядеться к жениху. И... если потребуется какая-то моя помощь, окажу ее. Можете на меня рассчитывать, леди.

Леди еще раз переглянулись. Чуть смущенно опустили глазки. И первой заговорила Джин.

– Леди Нэйра, мы будем очень признательны вам. Моя мать сильно больна...

– Да-да, – поддержала Кларисса. – Почти при смерти.

– И поэтому вам понадобилась моя помощь, – понятно кивнула Нэйра. – А леди присоединится к нам потом?

– Да. С нашей... кухней.

– Надо полагать, кухня приедет, поможет леди Клариссе встать на ноги, а потом сопроводит в Кон'Ронг, потому что

пускаться в такой дальний путь одна леди Кларисса не сможет? Особенно после болезни?

– Вы очень правильно все понимаете, Нэйра. И... меня друзья зовут Клари. А мою дочь – Джин.

– Вам очень подходят ваши имена, Клари, – согласилась на предложенную дружбу Нэйра. – Когда мы выезжаем?

– Завтра.

– Замечательно. Тогда я отправлюсь собирать вещи и буду здесь завтра... в восемь утра?

– Да, это будет просто прекрасно, – согласилась Кларисса. – Джин?

– Леди Нэйра, вы позволите проводить вас?

– Разумеется, Джин.

Дамы обменялись самыми искренними улыбками.

Женщина всегда поймет другую женщину. Особенно там, где дело касается мужчины.

* * *

Проводив компаньонку, Джин вернулась и уселась на кровать рядом с матерью. Как привыкла с детства – забралась с ногами, расправила юбку...

– Мам, мне не хочется уезжать.

– Я дождусь Аликс и отправлюсь следом за вами. Обещаю.

– Все равно у меня на душе неспокойно.

– Все будет в порядке, Джин, – Кларисса крепко обняла

дочь. – Все будет хорошо, обещаю.

Джин уткнулась матери в плечо.

Смешно? Здоровущая девица, скоро свои дети будут...

В том-то и дело.

Дети будут, и муж будет, и какие они будут еще неизвестно. А с матерью они вместе выстояли, когда отец пил и гулял, когда у них не было денег, когда заложили дом, когда...

Они не просто мать и дочь, они подруги и единомышленницы, они дополняют друг друга, как рука и перчатка, как день и ночь.

– Мам, мне страшновато.

– Ничего, Джинджер, детка. Ты нервничаешь из-за Лесса, из-за поездки, из-за Аликс. Вот все и складывается вместе, – Кларисса погладила дочь по голове. Да, у нее вырос замечательный ребенок. Умный, добрый, а главное, Джин выстоит, если останется одна. Не сломается, не согнетса, не даст втоптать себя в грязь, когтями и зубами вцепится, но выстоит. Это она дочери дать смогла. Хотя бы это... чтоб ее муженьку в аду гореть! Не был бы Брайс такой расточительной и слабохарактерной дрянью, была бы Джин сейчас куда как более завидной невестой. Но муженек и ее приданое прожил, и своего не заработал.

Ладно, что уж сейчас ругаться. Он мертв, она жива, а значит, все можно исправить.

Кларисса успокаивала дочь, а сама думала, что Нэйра Лидс, кажется, дама неглупая. Очень неглупая. Вдвоем они

все разглядят.

И то, что Лесс Кон'Ронг решит показать, и то, что он решит спрятать. Абы за кого она свою дочурку не выдаст! Джин не должна жить так, как ее мать, она должна жить лучше! И Кларисса все для этого сделает! Костями ляжет, если понадобится!

Но лучше пусть лягут чьи-нибудь чужие кости. За дочь она никого не помилует.

* * *

– Охота тебе была в такую рань тащиться в храм?

Ивар насмешливо смотрел на жену, и проглядывало в его глазах нечто покровительственное. А как вы хотите? Если муж почти в два раза старше жены, будет тут и покровительское, и поучительское, Тиана-то, считай, только из детской вышла, а Ивар уже покуролесить успел. И жизненного опыта у него всяко было больше.

Когда он женился на Тиа, то невольно начал воспитывать ее «под себя». Где-то лаской, где-то язвительностью, но Тиана перевоспитывалась, все меньше походя на свою мать – с точки зрения Ивара, отъявленную стерву и ханжу. Да и отец там...

Ивар ведь не соблазнил и бросил Тиа, женился честь по чести, так нет же! Лукас Кон'Ронг все равно подгадил, где мог! Если б не он, Ивар бы сейчас и побогаче был, и жил

получше, а этот... гад! Хотя и помер Лукас, а все одно – о мертвых либо хорошо, либо правду. А правда была такой: когда Ивар женился на Тиа, ее матушка настроила супруга своими истериками. Как же так! Невинную деточку! Да в логово законного брака! Да с кем!

Лукас и прислушался.

Там словечко, тут два, да еще год неурожайный выдался, вот и пришлось Ивару, чтобы с долгами расплатиться, часть земель продать. Если б ему дали время, он бы поднялся, он бы продержался, и деньги вернул, и земли сохранил, но Лукас Кон'Ронг... с-сука старая!

После такого они лет пять не разговаривали, потом уж Тиана слезами вовсе измучила. Считай, на могиле у Лукаса и помирились.

А все одно иногда уколет.

Вот сколько он не вытряхивал это из жены, но куда ж показное благочестие девать?

Дураком Ивар отродясь не был и цену своей супруге понял давно, но жалко ее было. Попросту жалко, пропадет ведь. Мать ей внушила, что в женщине есть только покорность в постели и благочестие, а остальное... а что остальное? Ей хватило, значит, и Тиане хватит. Это уж Ивар потом ее читать приучал, рассказывал, показывал, объяснял, человека вылепил.

И все одно, как что – так в храм.

ТЬФУ!

И ведь не скажешь, что Тиа такая верующая. Религиозная – да, это есть, а вот истинной веры в ней нет. Отродясь не было.

Вера – она в душе. Есть храм, нет храма, тебе, чтобы в Бога верить, посредники не нужны. Ты и так знаешь, что он есть, ты его любишь, он тебя, он твой отец, и жить ты стараешься по его заповедям. И к чему тут ходить, лоб разбивать с утра? Вот только и дела отцу, с какой ноги ты встанешь да сколько раз поклонись?

Ты сволочью не будь, людям зла не причиняй, дело свое хорошо делай, детей людьми вырасти – и будет тебе счастье. А в храм шлаться...

Говорят, на дальних островах дикари есть. Пляшут себе под бубен вокруг пальмы, а чего пляшут, зачем? Шаман умный, он знает. А я дикарь, я глупый, мне незачем.

Вот и Тиана так же. Обряды выполняет, а леса за деревьями и не видит. Сердца не вкладывает, сути не ощущает. Зато на первой скамье сидеть норовит, всех поучает...

– Пока, дорогой, я пошла...

Тиана выскользнула за дверь, оставив Ивара лежать на кровати и глядеть в окно.

Тоже, что ли, встать да прогуляться? Коли растолкали на рассвете, так на рыбалку пройтись не грех. Лещик сейчас хорошо клюет, глядишь, десяток и надергает к обеду.

И сидя с удочкой в камышах, Ивар подумал, что вот он – Бог!

Сияет солнце на речной глади, ласково кружат по небу пушистые облачка, игриво щекочет шею легкий ветерок, шумят роскошные ивы, склоняясь к воде, вот так брызнет в глаза солнечный лучик. И ты поймешь, что Бог – это не дурацкая глиняная статуя в храме.

Бог – это ты и мир вокруг тебя. И что-то надмирное, потрясающее, что не выразишь сразу словами, но оно иногда чувствуется. Коснется своим крылом и уходит, оставляя внутреннее ощущение правильности происходящего.

Бог – это любовь.

А храм... что ходи туда, что не ходи, а любить там не научат. Хотя... если бы Ивар увидел сейчас свою супругу, он бы сильно в этом засомневался.

* * *

В каждом храме есть маленькие комнатки с крепкими зазорами. Там могут жить жрецы, там может лежать добро, там...

В этой комнатке стояла большая кровать, и на кровати сейчас сплетались в объятиях два разгоряченных тела. Менялись позы и ритм, раздавались вскрики и стоны, но ни один из любовников не произнес ни слова, пока не раздался последний удовлетворенный вздох и не разомкнулись объятия.

Тиана отбросила назад волосы, посмотрела на лежащего

рядом мужчину.

– Дин, ты был великолепен!

– Милая леди, а вы выглядите просто очаровательно.

– Как бы я хотела остаться с тобой на весь день...

– Тиа, милая, нельзя. Твой муж...

– Да что может понять этот тюфяк?! Он никогда и не подумает, что мы встречаемся.

Жрец оглядел растерзанную кровать и следы от ногтей на своих плечах.

Встречаемся. Ага. А Мировой океан – это симпатичная маленькая лужица, дело житейское.

– Если бы не ты, я бы с ума сошла с этим хомяком! Ну почему мы не можем быть вместе?

Впрочем, спрашивала Тиа больше по привычке, понимая, что жрец не может жениться на разведенной женщине под угрозой немедленного отлучения от кормушки. На вдове – может, а на разведенной – нет! Так несправедливо!

Вот если бы Ивар...

Надоевший муж отличался завидным здоровьем, так что Тиа могла только ставить свечки в храме. За укрепление оно-го.

А как получился роман со жрецом?

Чисто случайно, как и все в нашей жизни. Просто однажды ярость и отчаяние Тианы перехлестнули все границы. Ну надо же! Муж зарабатывает медяки, а на ее возмущенные крики, что хочется-то особняков в столице, балов, брилл-

лиантов и прочего, да и ребенка надо обучать в элитном заведении, равнодушно отвечает: «это мишура» или «выучит-ся, куда он денется? Нашим поместьем управлять, элита не нужна». А хочется-то большего!

Вот Тиа и сбегала помолиться в храм.

И однажды молодой жрец по имени Дин, утешая женщину, погладил ее по плечу. Поглаживание по плечу перешло в поглаживание по груди, потом Тиана ответила жрецу той же любезностью – и обеты слетели вместе с одеждой.

Любовникам оказалось очень удобно встречаться – мало ли кто и когда бегает на исповедь?

А уж из исповедальни прямая дорожка в маленькую комнату. Храм запереть, засов опустить – и исповедуйся, чадо. До самых глубин души.

Выворачивай все нижнее белье на глазах у жреца.

Хотя последнее время Тиана вообще перестала его надевать в храм, белье-то. А зачем?

Под длинным платьем не видно, а время на раздевание надо экономить. И так возбуждает...

– Тиа, милая, у вас сын.

– Он уже взрослый, скоро своих детей наплодит.

– Это не убедит настоятелей...

Тиана скуксилась, хотя другого ответа она и не ждала. Могут расторгнуть бесплодный брак – мол, нет благословения свыше. Ведь что такое благословение?

Это ребенок.

И чем больше детей, тем благословенней брак. Есть сын или дочь?

Брак-то расторгнуть можно, но намаешься...

В карих глазах вспыхнули похотливые искры.

– Дин, милый, но ведь у нас еще есть время?

Дин посмотрел еще раз на женщину.

Симпатичная, неглупая... но липучка! Ему скоро бы и жениться надо, но разве ж эта пакость даст?

Какую же ошибку он совершил, связавшись с этой девкой! А как ошибся ее муж!

Мысли эти никак не отразились на лице жреца, когда он завалил бабенку на кровать.

Женитьба будет еще не скоро, да и не на ком пока, так что ж и не попарить морковку? Сие дело богоугодное! Вот!

* * *

Аликс тряслась в дилижансе. Ей было очень-очень страшно.

Если муж ее найдет, ей не жить. Ее просто убьют. Медленно, жестоко, и даже Джин тут не поможет. Единственная надежда была на то, что сначала муж бросится к ее матери. Куда еще могла помчаться такая домашняя клушка, как она?

Только к родителям!

А ведь говорила Джин! Предупреждала!

Аликс еще фыркала, а теперь... Пришла беда, пришлось

проситься в гости.

Итак!

Что она сделает, оказавшись у Джин?

Аликс в сотый раз проигрывала все свои действия.

Первое – подаст на развод. Продемонстрировать побои не выйдет, но жить с мужем она не будет. Развод и только развод. Это первое.

Второе – найти себе работу. Аликс отлично шила, вышивала, вязала. Может быть, она сможет этим зарабатывать? Наберет заказов, снимет квартиру, родит ребенка...

А Сэндер так и будет на это смотреть издали?

Аликс положила руку на живот, словно защищая его.

Нет. Никак не будет.

Если она хоть немного знает своего супруга, а она его знает, можете не сомневаться, ребра до сих пор пинки помнят, спокойно жить ей Сэндер не даст. Тем более с его ребенком. Будет мучить, сколько сможет, ему так даже приятнее будет. Будет требовать себе сына, и ведь... суд отдаст ребенка ему. Кто он – и кто она?

Аристократ, с деньгами, связями, знакомствами – и разведенная женщина, которая подрабатывает шитьем.

Хм-м...

А что ей тогда делать?

Только одно. Срочно выйти замуж и убедить всех, что ребенок от второго мужа. Но где найти мужа, и как всех убедить, если сейчас уже точно второй месяц. Скоро третий

пойдет...

Очень захотелось застонать, но в дилижансе было слишком много народа.

Ничего, вот она доберется до Джин, и подруга обязательно что-нибудь придумает. Джинджер умненькая, она поможет, она обязательно найдет выход!

* * *

– Лесс, милый, позволь представить тебе мою компаньонку. Леди Нэйра Лидс.

Лесли Кон’Ронг покорно склонился к ручке компаньонки, при этом одаряя восторженным взглядом саму Джинджер. И было отчего.

Темно-зеленое платье благородного травянистого оттенка, которое надела в дорогу Джин, подчеркнуло прозрачность ее кожи, заставило зазеленеть глаза, а фигура у нее и так была выше всяких похвал. Лесс уже предвкушал, как познакомит эту очаровательную девушку с матерью.

Джин накинула на плечи шаль и надела шляпку.

– Леди Лидс...

– Лорд Кон’Ронг, рада нашему знакомству. Вы с Джинджер удивительно красивая пара.

Лесс расплылся в улыбке.

– Леди Лидс, вы позволите?

Небольшой саквояж перекинулся в его руки.

– Да, разумеется. Лесс, вы же поможете нам, правда?

Погружение в карету происходило на рассвете – так меньше соседей наблюдают за происходящим. Слуг Джинджер предусмотрительно отпустила, но вот снести багаж из своей комнаты не удосужилась. Лесс кивнул и отправился совершать подвиги во имя прекрасной дамы. Таскать, грузить и вдохновляться.

Дамы погрузились в карету, и лошади зацокали подковами по каменной мостовой.

«Больная» Кларисса помахала дочери рукой в окошко.

Удачи, девочка. Я верю, ты справишься и без меня, какое-то время. А я дождусь Аликс и приеду.

* * *

Дорогая Кейт!

Лесс не может сейчас ответить на твое письмо, он в отъезде, а потому пишу тебе я.

Хочу также заметить, что ты возмутительно мало рассказываешь о себе и о внуках. Надеюсь, вы все не просто здоровы, но и занимаетесь чем-нибудь полезным. Колин, конечно, туповат, но при должном обучении он сможет заработать себе на кусок хлеба хотя бы, как и его отец, ремонтируя чужие амбары и заборы.

Что до девочки, надеюсь, она пойдет в меня хотя бы внешностью, иначе ее замужество будет под большим

вопросом.

Но перейдем к делу.

Денег я тебе не пришло.

Лесс собирается жениться, и деньги он должен тратить не на твою, а на свою семью. Надеюсь, ты это понимаешь.

Если твой супруг не способен работать и зарабатывать, это твои личные проблемы. Я отговаривала тебя от неудачного брака, и до сих пор считаю, что ты, при всей твоей глупости, могла сделать лучшую партию. Разумеется, вы по-прежнему сможете приезжать на лето в Кон'Ронг, но, если ты привезешь супруга, изволь позаботиться о его пристойном виде. Я не хочу произвести плохое впечатление на гостей. То же самое касается и твоих детей.

В прошлый их проезд я отмечала, что они дурно одеты и плохо воспитаны. Надеюсь, хотя бы шить ты не разучилась.

Лесс с невестой должны приехать примерно через неделю, ты, конечно, тоже можешь приехать, но изволь учесть мои замечания.

Целую тебя.

Леди Дженет Кон'Ронг

Кейт сжала кулаки.

О, как же ей хотелось сжать так же и шею матери!

Гадина!

Гнусная гадина!!!

Ярость душила, мешала дышать, подкатывала комком к горлу и наконец разрядилась на Колине.

– Ты еще здесь, поганец?! Марш убирать навоз!

Поганец исчез, как и не было. Он уже прекрасно понимал, что когда лицо матери словно стягивается в одну линию, скулы каменеют и на них вспыхивают тревожные красные пятна, с ней лучше не спорить. Может и оплеух надавать.

Кейт осталась за столом, скрипя от ярости зубами.

Гадина!

Ненавижу!

Люблю...

Женщина уронила голову на руки, из груди вырвалось несколько сдавленных рыданий.

Да, бывает и так.

Ты – вторая дочь в семье, и дочь откровенно неудачная. Нелюбимая, неценимая, ненужная.

Тиана родилась первой, ей были рады. Но второго-то ждали сына! А родилась она. К тому же Кейт оказалась девочкой нервной, болезненной, слабенькой, постоянно требующей внимания, что тоже не добавило ей любви со стороны матери. И не слишком похожей на Кон'Ронгов.

Что Тиа, что Лесс были темноволосыми и темноглазыми, кудрявыми, с резкими чертами лиц, с быстрыми движениями и тонкими нервными пальцами.

Кейт же...

Белокожая, с волосами непонятно-пыльного оттенка, с се-

рыми глазами, она походила на размытый рисунок на стекле. Слишком медлительная, слишком апатичная из-за болячек, слишком нерешительная... и болезненно обожающая родителей.

Увы, ответного обожания Кейт так и не дождалась.

Даже сейчас!

Пусть она неудачно вышла замуж за Линоса! Но ведь не одна она?! Так за что же, за что?!

Кейт не могла признать простой истины – ее просто не любят. За что?

А ни за что. Такое бывает. Кто-то любит орехи, кто-то фрукты. Кого-то любят, кого-то не любят, и если уж не получается завоевать любовь, может, стоит заняться чем-нибудь поинтереснее?

Это женщине в голову не приходило. Она не сомневалась, что Тиана получила совсем другое письмо, а уж про Лесса и говорить не стоит.

Любимый сыночек!

Нас-с-следник!

С-с-сука!

Кейт почти шипела.

О, она поедет в Кон'Ронг. Еще как поедет!

И ты, Лесс, братец мой разлюбезный, горько пожалеешь о своем решении. Я все сделаю, чтобы твой брак не оказался счастливым!

Как?

Не знаю!

Я придумаю!

И это будет справедливо! Почему ты счастлив, а я нет?

Почему тебя любят, а меня нет?!

Почему у тебя все складывается хорошо, а я на всю жизнь прикована к омерзительному дураку и пьянице?!

Ответов Кейт не искала. Она просто ненавидела.

Письмо смялось в сильных пальцах. Женщина думала, где взять деньги на поездку в Кон'Ронг и на кого оставить ферму.

* * *

Мужчина проводил взглядом карету, которая скрывалась за горизонтом. Рядом с ней гарцевала на тонконогом коне фигурка всадника.

Лесли Кон'Ронг.

Мужчина все еще не мог разобраться в себе. Что он испытывает? Что чувствует?

Ненависть?

К кому? К мальчишке почти на шесть лет младше него? К сопляку, который не отвечает за грехи родителей просто потому, что тогда еще не родился?

Смешно даже.

Вот леди Дженет Кон'Ронг – другой вопрос. Но до нее еще надо добраться.

Дайте время.

Блеснуло солнце в окне кареты, и мужчина задумчиво улыбнулся под капюшоном.

Джинджер Брайс.

Смешная забавная девочка. Лесли повезет, если у них все сладится, это сразу видно. Умненькая, сообразительная, а еще явно верная и порядочная – редкость в любые времена. И как она с этими статьями придумала?

Ядовитый плющик...

Смешной, умный, наблюдательный...

Со статьями мужчина ознакомился и от души посмеялся над рисунками. Хорошая девочка, надо будет приглядеть за ней. В Кон’Ронге ей будет тяжело.

И не ей одной...

Мужчина еще раз многообещающе улыбнулся и уселся в карету.

– Трогай.

Ездить верхом он не мог. Лошади его не принимали, хорошо хоть, в карете везли и не дергались. Вышколенный кучер не обратил внимания на причуды господина. Дело житейское, сказал хозяин трогать – значит, поехали!

Н-но!

Глава 4

– Леди Нэйра, как вам это удастся?

– Логика, чистая логика, Джин. Показать?

– Пожалуйста!

Джин проследила, как тонкая рука передвигает специальные походные шахматы. Обдумала свои ходы, ходы противницы и кивнула.

– Да. Защита была просто великолепная, неудивительно, что я проиграла.

– А вы попробуйте сами ее выполнить.

Леди Нэйра вновь принялась расставлять фигурки.

Походные шахматы – совершенно потрясающая игрушка. Доска, в центре каждого квадратика проделано отверстие, каждая фигурка снабжена шпилькой, выдернуть – воткнуть. Зато, случись яма на дороге, фигурки не слетят и не подвигнутся. На третий день, когда Джинджер проглотила все книги, изрисовала небрежными набросками два блокнота и стала думать, чем бы еще заняться, леди Нэйра вытащила из своего саквояжа шахматы.

Шахматы, шашки, уголки, поддавки – те, кто умеет передвигать фигуры по черно-белым клеткам, знают множество игр. Сначала Джин было чуть скучновато, она давно не играла, но потом...

Девушка вошла во вкус, и Лесс постоянно натывался на

одну и ту же картину.

Две женщины склонились над доской, что-то обсуждают, записывают в блокнот, спорят...

Это раздражало. Сам Лесс в шахматы отродясь не играл, не умел и учиться не собирался. Зачем оно нужно?

Тьфу!

Джин не стала убеждать жениха и предлагать ему поучиться. Она просто поставила в одну из клеточек – минус. Жирненький такой, симпатичный.

Если мужчина не желает учиться и узнавать нечто новое, это плохо. Если он не желает учиться у женщины, это еще хуже. Значит, женщину он никогда не примет равной себе. А ей будет скучно рядом с таким мужчиной. Она же не создана только рожать детей, присматривать за слугами и молиться?

Ведь не создана, правда?

Спрашивать у Лесса Джин не хотела. Она и так видела.

Дорога выявляет множество интереснейших человеческих черт. Одной из неприятных особенностей Лесса оказалось его покровительственное отношение к Джин и Нэйре. Не рыцарственное, а именно опекуновское. Не служение прекрасной даме, а шефство над умственно больным человеком.

Лесс относился к женщинам примерно так: *«Что ж поделать, если Творец создал вас глупыми и неудельными? Только помогать чем могу»*.

Джин это коробило и раздражало, леди Нэйра не подавала вида, но пару раз Джинджер поймала ее взгляд, обращенный

на Лесса. И нечто такое было в нем...

Жалость?

Брезгливость?

Джинджер так и не поняла, но расспрашивать не стала. Ни к чему. Да и что ей приятного скажут? Она ведь умненькая, она сама все понимает, все от нее зависит. Чего хочет сама Джин?

Терпеть подобное отношение всю жизнь? Или попробовать что-то изменить?

Или найти другого мужчину?

Пока Джинджер еще не определилась. Надо было посмотреть на семью Лесса.

* * *

Кейт кое-как выпихнула супруга из дилижанса, высадила сына и взяла на руки дочь. До Кон'Ронга было еще минут пятнадцать ходьбы. Можно бы попросить подвезти их к самым воротам, но это за отдельную плату. Вот к деревушке с романтическим названием Бронец² дилижанс подъезжал, а от деревушки до замка – ножками.

Нет уж.

Кейт намного проще было выйти у единственного на всю деревню трактира, а потом послать сына в замок. Сбегает, не

² Бронец – камнеломка (растение).

переломится. А Лесс придет за ними карету.

Единственное, что портило настроение, это взгляды деревенских жителей.

Насмешливые, иногда презрительные, иногда сочувствующие.

Говорить они ничего не говорили – не по их рылу корыто с кем-то из Кон’Ронгов первыми заговаривать, но *смотрели*.

Сочувственно – на ребенка, презрительно – на мужа, насмешливо на саму Кейт. Женщина бесилась, раздражалась и даже не понимала, что сама дала для этого повод.

Либо ты жена сквайра, либо одна из Кон’Ронгов. Но если ты жена сквайра, так и веди себя соответственно. Хозяин есть, а что попивает, такое бывает. Живете плохо?

А ты его отучи, от вина-то...

Бабками отшептать можно, или травку какую попить, или попросту – коромыслом промеж ушей. Последнее, говорят, особенно помогает, ежели в умелых руках.

Нет? Тогда чего ты жалуешься? Силком тебя никто замуж за него не отдавал, в кровать не укладывал. Детей жалко, это верно. И на пьяницу в деревне смотрят презрительно, потому как с зари до зари работают. А если за воротник закладывать, выжить-то можно. Да не жизнь это будет, а именно выживание. Жестокое и беспощадное.

А сама Кейт... Кон’Ронг она быть перестала, а женой сквайра Линоса не стала. Зависла меж двух миров, вот и посмеивались над ней втихомолку. А как она хотела? Либо пла-

тье надень, либо Знак сними, а то с голым задом молебен творить неприлично.

Не понимаешь ты простых истин? Так кто ж тебе лекарь?

Колин умчался, поднимая тучи пыли, а Кейт приготовилась ждать. Ее супруг огляделся, увидел рядом с трактиром троих мужиков на завалинке – и тут же навелся на цель.

– Ивар! – прошипела Кейт.

Линос только отмахнулся.

– Молчи, женщина.

– Не смей! Ты меня бросишь одну? С ребенком?

– Да что с тобой сделается? – удивился «заботливый» муж. – Посидите вон в теньке, пока Колин не прибежит.

– А ты?

– А я себе дело найду.

Кейт топнула ногой, но остановить Линоса, который почувствовал запах дармовой выпивки? Легче было остановить пикирующего на добычу дракона.

Сделать она ничего не могла. Не ругаться же с пьяницей на глазах у всего Бронца? Завтра же все знать будут, что да как, еще и приукрасят втрое. Оставалось только нянчить дочку и про себя обещать супругу все кары земные и небесные.

Сволочь, какая ж сволочь!

Чем она думала, когда за него замуж выходила?

За Кейт прислали телегу, и это стало еще одним унижением.

– Карету? – вскинула тонкие брови леди Кон’Ронг. – Кейт, опомнись! Карета здесь одна, моя личная, и перевозить в ней твое... имущество? Ее потом отчищать год надо будет!

Это верно. Карету лорд Кон’Ронг заказывал для своей супруги сам. Изящную, благородных темно-вишневых тонов, с сиденьями, обтянутыми белым бархатом, с позолотой и росписью. И Дженет дорожила подарком.

Кейт побагровела. В имущество был вписан и пьяненький Ивар, который валялся в телеге на соломе, и ее два сундука, пусть старые и обшарпанные, но других-то нет, да и она...

– А карета Лесса?

– Он взял ее с собой. Мальчик не будет везти свою предполагаемую невесту в наемной карете.

Кейт тут же запихнула обиду подальше.

– Невесту?

Увы, попытка посплетничать не удалась. Дженет прищурилась.

– Возможную. Изволь устраиваться в северном крыле. Комнаты тебе покажет госпожа Тримс.

Экономку Кейт не любила, северное крыло ненавидела.

– Почему так? Чем плохо южное?

– Кейт, вы – гости. В южном крыле живут члены семьи, то есть я и Лесс.

– Но раньше...

– Сейчас у нас другая ситуация. И привыкай заранее. Если Лесс все же женится, я точно запрещаю твоим детям вход в южное крыло. Надеюсь, ты занялась их воспитанием с прошлого раза? Как мне помнится, прошлым летом Колин два раза чуть не утонул, шесть раз залезал на крышу и перепортил множество вещей, начиная с паркета и заканчивая рыцарскими доспехами.

Кейт скрипнула зубами.

– Тиа ты тоже там поселишь?

– Я подумаю. Госпожа Тримс, устройте семейство Линос, будьте любезны.

Скрежет зубовный стал вдвое громче, но Дженет отнеслась к этому с потрясающим безразличием. Не ее ж зубы!

– Жду вас к обеду.

Дженет развернулась и выплыла из гостиной. И в эту минуту Кейт не могла бы сказать точно – любит она свою мать или ненавидит. Наверное, все вместе.

Больно...

* * *

Сэндер Пирлен осадил коня.

– А ну стоять, с-скотина!

Скотина встала так резко, что всадник чуть не полетел через голову. Увы, наказания коню это избежать не помогло. Сэндер профилактически огрел его между ушей и спрыгнул на землю, бросая поводья конюху.

– Господин Лоусон дома?

– Нет, господин. Только госпожа Лоусон.

Что ж, Резеда Лоусон тоже подойдет. С ней-то найти общий язык несложно. Сэндер зашагал к крыльцу, видя, как кто-то из слуг метнулся в дом. Сейчас доложат...

И верно, не успел он взяться за колокольчик у входной двери, как та уже распахнулась. Резеда встречала зятя на пороге.

– Мальчик мой! Как я рада тебя видеть!

Сэндер покорно вытерпел пылкие объятия тещи, в ответ поцеловал ее в увядшую щеку и вежливо поинтересовался.

– А Аликс уже приехала?!

– Аликс? – теперь уже удивилась Резеда. – Вы собирались к нам? А почему не было письма?

Сэндер вздохнул. Ах, если бы можно было откланяться на этом месте. Но...

– Аликс от меня ушла. И я решил, что она придет к вам.

– Как ушла?! – ахнула Резеда, прижимая руки к пышной груди. – Она с ума сошла?!

Сэндер печально опустил голову.

– Боюсь, что во всем виноват я, леди Лоусон. Я не уделял жене достаточно внимания...

Вот именно. Знал бы – она бы в последний раз точно не ушла, не смогла бы на ноги подняться, с-сука!

– Сэндер... Какой кошмар! Что же теперь будет?

– Не знаю, леди Лоусон. Я думал, что она отправилась к вам, затем и приехал. Хотел попросить прощения у Аликс, если я в чем-то виноват, и уговорить ее вернуться.

Резеда переместила руки с груди на виски.

– Сэндер, милый, я с ума сейчас сойду. Прошу вас, пойдете, присядем в гостиной, и вы мне все-все расскажете.

Следуя за тещей, Сэндер ухмылялся.

Так-то, дорогая супруга. Больше вам пойти некуда, а если вы заявитесь к матушке, вас выдадут быстрее, чем вы скажете «здравствуй, мама».

Я тебе еще покажу, как сбегать, тварь такая!

* * *

Что делает девушка, если на улице дождь, если карета застревает на каждой яме и если им приходится остановиться в придорожном трактире?

Если девушка порядочная... рохля – она точно не высунет носа из комнаты.

Джинджер себя к таким не относил. Тем более к вечеру дождь стих, и она выразила желание прогуляться на свежем воздухе.

Лесли вызвался составить компанию девушке.

Леди Нэйра подумала и отпустила влюбленных.

Мокро, сыро, грязно, присесть – и то негде, под деревом поцелуешься – ведро воды за шиворот получишь, а уж романтики... Полные туфли! Погуляют полчасика, да и назад вернуться. Джинджер просто тяжело весь день сидеть в карете, лишь иногда выходя, чтобы размять ноги, ее можно понять. Леди Нэйре тоже тяжело, но у нее возраст не тот для поездок верхом и прогулок в дождь.

Джин и Лесли прошлись вдоль дороги, повернули раз, другой...

Волки воют?

Ошибочное мнение.

Волки нападают сразу, особенно если они бешеные.

Что делал здесь этот конкретный волк, непонятно, но бросился он молниеносно, распахивая пасть.

Лесли резко оттолкнул Джинджер в сторону, сам не удержался на ногах, поскользнулся, неловко упал – и проехался виском по камню, которые тут встречались в изобилии.

– Лесс!

Джинджер замерла на месте, понимая, что тут и бежать-то некуда...

Ах, как обидно умирать в двадцать два года.

Волк прыгнул вперед.

Джинджер закричала, но зубы не сомкнулись на ее теле. Потому что в бок волку ударил мощный живой снаряд.

Они покатались по дороге, клубок из меха и ткани, над

дорогой повисли крик и рык... Джинджер прижала ладонь к губам, чтобы не кричать, потом бросилась к Лесли, затрясла его за плечи...

Бесполезно.

Мужчина был жив, но головой приложился хорошо. Привести его в чувство не получалось, оттащить куда-то тоже, зашарила по поясу мужчины... даже оружия нет!

Вэшшш!

А вот подходящая палка... хоть не просто так помереть!

Джинджер казалось, прошли года, но на самом деле и минуты не пробежало с момента нападения. До того как мужчина встал, отряхнул плащ – и оказался все тем же лордом Смитом. Занесенная для удара палка опустилась сама собой, а Джинджер неаристократически открыла рот, закрыла и громко шелкнула зубами.

– Вы?!

– Я. Леди Брайс, вы когда-нибудь научитесь гулять в безопасных местах?

Джинджер не обратила никакого внимания на иронию. Вместо этого она подбежала к мужчине и принялась ощупывать его, невежливо бросив Лесли валяться в луже.

– Вы целы? Он не укусил вас?

Мужчина быстро оглядел себя.

– Цел.

И даже капюшон не сбился.

– Не стоит так волноваться, леди...

– Вы меня второй раз спасаете! И я не должна за вас волноваться? Ну вы и наглец! – выпалила Джинджер прежде, чем успела подумать, что говорит.

Мужчина рассмеялся.

– Ничего. Спасение красивых женщин – честь для любого мужчины. Что с вашим спутником?

Джинджер посмотрела на Лесли.

– Жив. Но в обмороке.

– Тогда предлагаю вам прогуляться в моем обществе до таверны. Там вы скажете, что на вас напал бешеный волк, вы убежали, а ваш друг остался там. Борется со зверем.

– И?

– Когда все прибегут, то увидят, что геройский лорд Кон’Ронг справился с волком.

– А вы? – с точки зрения Джин это было несправедливо.

– А меня тут не было. И вы меня не видели.

Джинджер кивнула.

– Хорошо. Если вы так хотите – я вас не видела.

– Тогда позвольте вас проводить, леди. У вас потрясающая способность искать приключения на свою голову.

– А у вас странная привычка спасать меня. Вы за мной следите?

– Вы же не думаете, что я сознаюсь, если это вдруг окажется правдой?

– Хм-м... а я могу узнать хотя бы часть правды?

– Нет, леди. Пока не можете.

– А надеяться на новую встречу?

– Не знаю, – голос мужчины дрогнул. – Давайте надеяться вместе.

– Давайте.

Джинджер все это время приглядывалась к рукаву незнакомца.

Волк порвал его, но крови там не было. И кожа не белела.

Виднелось нечто темное, но в сгущающихся сумерках Джин не могла поручиться за свои глаза. Может, это такая нижняя рубашка? Теплая, которую носят под верхней? Она видела такие в магазине мужского платья. С рисунком...

Мало ли...

Главное, крови не было, значит, не укус. Или не до крови, что тоже неплохо...

Впереди замаячили огни трактира, и лорд осторожно высвободил руку.

– Думаю, вам стоит бежать и кричать, леди.

Джинджер тоже так думала. И бежать, и кричать...

И когда она ворвалась в трактир, никто ее и не заподозрил. Наоборот, все помчались на помощь Лесли, извлекли его из лужи и стали прославлять как героя.

А у волка оказалась сломана шея.

Джинджер промолчала, сказав Лесли, что сразу убежала и не знает, как он справился с волком, но задумалась.

Волчья шея – не галета к чаю, чтобы сломать ее, нужна немалая сила. И те трое матросов...

Кто же вы, лорд Смит?

* * *

Спустя два часа, шесть чашек чая и бесчисленное множество охов и вздохов, Сэндер был приглашен в гости на неделю, и его устроили в голубой гостевой спальне. Кстати – бывшей спальне Аликс. Первым делом мужчина облегчил душу, потом улегся на кровать и призадумался.

Значит, сюда Аликс не приезжала. Этого и следовало ожидать. Он знает свою тещу, а уж как хорошо ее знает Аликс!

Да великолепно, иначе и не скажешь. Нет, Резеда дочери не помощь и не заступница. Но куда еще могла податься эта дура?

Хотя выбор невелик. Кто есть у женщин?

Родители, подруги, любовники.

У родителей Аликс нет.

Любовников у нее тоже нет, иначе бы он ее просто убил.

Подруги?

А кто у нас подруги?

Правильно он остался на эту неделю у тещи. И Аликс может сюда еще приехать, и надо бы расспросить всех насчет подруг.

Сэндер напряг память, но что-то из нее ничего не выплывало. Были там подруги, не были подруги... пес их разберет!

Приятной особенностью внешности Джин было то, что

она была не слишком яркой. Не настолько запоминающейся.

Девушка и девушка, миленькая и миленькая. Сэндер непременно запомнил бы ангелоподобную блондинку или жгучую брюнетку, но совершенно обыденная внешность Джинджер просто стекала с его памяти, как дождевые капли со стекла. Была ли подруга?

Ни имени, ни внешности...

Надо расспросить Резеду, надо поговорить со слугами и с братом и сестрой Аликс. Возможно, что-то знают они.

А остальное – дело техники.

Мысль о том, что Аликс могла предпринять что-то... непредсказуемое, например, сесть на корабль и уплыть куда глаза глядят или уехать в неизвестность, Сэндер просто от-мел. Не тот Аликс человек. Она зависимая, ведомая, слабая и уязвимая. Ей нужен кто-то рядом, это несомненно.

Кто?

Вот найдем супругу и обо всем поговорим.

Сэндер сдвинул родовое кольцо с гербом так, чтобы камни поблескивали алым в полумраке комнаты.

Алым, как кровь...

И как красиво смотрелся отпечаток перстня на теле Аликс, как клеймо, его клеймо...

Она – его собственность.

И горе жене, когда он ее найдет!

А в это время Аликс стучала в дверь дома Брайсов.

Сначала робко, потом сильнее и сильнее, понимая, что никто ей не откроет, а значит – все. Она прямо тут ляжет и умрет. И ребенок ее умрет. И...

Куда она сейчас пойдет?

Что будет делать?

Боль от синяков давно прошла вместе с запалом, который заставил тихую домашнюю девушку поднять бунт, и сейчас Аликс откровенно колебалась.

Самостоятельность – страшная штука. Особенно для тех, кто впервые с ней столкнулся.

Но вот за дверью прощуршали тихие шаги, и Кларисса распахнула сначала смотровое окошко.

– Кто там?

– Леди Брайс! Это Аликс...

Дверь моментально открылась. И Аликс угодила в теплые материнские объятия.

– Бедная моя девочка...

Кларисса не была родной матерью Аликс. Она просто привечала девочку наравне со своей дочкой, кормила их строго запрещенными Резедой пирожными, смазывала синяки и шишки после проказ, читала им сказки, учила красить ресницы и кокетничать...

Она делала для маленькой Аликс все то, чего не делала ее родная мать. И даже эти объятия, эти слова...

Аликс вдруг осела на пол и расплакалась так отчаянно, словно ей опять было шесть лет и она только-только сбежала от страшного зверя – петуха. А Кларисса тогда прогнала чудовище, а потом прижимала девочку к себе и так же что-то тихо шептала. И Джин не ревновала, она никогда не ревновала.

Она-то знала, что у нее всегда есть и будет мать, что мать будет на ее стороне, что бы ни случилось, а потому...

Почему бы и не поделиться крошкой тепла с тем, кто в нем нуждается?

Вот и сейчас Клари гладила Аликс по волосам, успокаивая и утешая.

Все в порядке, малыша. Ты дома. Тебе здесь помогут. Тебя выслушают и не оттолкнут, что бы ни случилось. Все будет хорошо, вместе мы со всем справимся, что бы там ни случилось.

Все будет хорошо...

И Аликс рыдала, выплескивая неделю неуверенности, отчаяния, боли, страха...

Прошло не меньше часа, прежде чем Кларисса смогла переместить девушку на кухню, благословляя всех богов за то, что избавилась сегодня от слуг. Выходные – хорошее дело. И как все удачно совпало!

Аликс крепко сжимала в руках чашку горячего шоколада

и говорила, говорила, говорила...

– Я не думала... все было хорошо... потом...

И из ее слов Клари составляла общую картину.

Увы, блестящий аристократ и очаровашка Сэндер Пирлен оказался простым любителем почесать о жену кулаки.

Да, не все то роза, что пахнет.

Начиналось-то все вполне невинно. Маленькие синячки и укусы в процессе страсти – обычное дело. Потом... потом стало хуже.

То слишком крепко сжатое запястье – до синяков, до пышных манжет, и оправдания: прости, любимая, не рассчитал силу.

То неприятные случайности вроде прищемленных дверью пальчиков или дрогнувшей руки...

Прости, дорогая, недосмотрел.

То просто – в постели. Спьяну. Извини, дорогая, я был чуть грубоват.

И то, что жена потом несколько дней даже ходить нормально не может... ну, надо же понять, надо простить, надо жить дальше, правда?

Первую пощечину Аликс получила после бала, на котором случайно (действительно, случайно) протанцевала лишний танец с одним из знакомых Сэндера. Как известно, больше трех танцев с одним и тем же мужчиной танцевать нельзя, но это девушкам.

Оказалось, что и ей тоже.

Сначала пощечина.

Потом еще и еще за улыбки, за слишком фривольные платья, за танцы, за беседу...

За год очаровательная женщина превратилась в тень самой себя. И все равно мужу этого было мало. Постепенно Сэндер просто ломал волю Аликс.

Впрочем, руку он ей тоже сломал.

И пару ребер.

Повезло, ни одно из них не прошло в легкое. Но почти месяц Аликс было больно даже дышать, не то что корсет носить.

Аликс сбежала, когда поняла, что беременна. И испугалась.

И за ребенка, и за себя. Если Сэндер неудачно ее ударит, он может убить двоих. Просто убить. А ей хотелось жить, радоваться жизни, да и вообще – умирать в двадцать лет?

Неохота.

* * *

Аликс все говорила и говорила, а Кларисса слушала и только что зубами не скрипела. Да уж.

В ее браке такого не было, зря она на Брайса жаловалась.

Вот всегда, всегда найдется тот, кому хуже, чем тебе.

Подумаешь, муж попивает, погуливает и транжирит твои деньги.

Не бьет ведь?

Не пинает ногами, не ломает кости, не ставит под угрозу твою жизнь! А мог бы, закон на его стороне. Ты его собственность с момента выхода из храма, он волен в твоей жизни и смерти.

Раньше так и было. Сейчас чуть полегче, на крайний случай можно разойтись с супругом. Но есть определенные условия.

Если говорить о добрачных отношениях, то тут могли стать препятствием родственные связи через браки родственников, принуждение к браку силой или запугиванием, несовершеннолетие или какие-то обеты храму.

Аликс не подходила ни одна причина. Разве что принуждение к браку, но это еще докажи! Хотя... если вытащить в суд Резеду Лоусон?

Кларисса посмаковала эту мысль, но потом все же отвергла. Нет, неубедительно выйдет.

Муж мог разойтись с женой, если та совершила прелюбодеяние. А мог и не разойтись. И, судя по всему, Аликс может на весь мир орать о своих похождениях. Это ей только синяков прибавит. Но на всякий случай... Найдем подходящего любовника, такого, чтобы Сэндер рядом с ним мелким смотрелся, и пусть клянутся в суде. Как вариант.

Женщина, могла разойтись с мужем, если он был ей не верен, но только в том случае, если это было ее первое замужество.

Этот вариант Аликс подходил, но ты еще поймай Сэндера на другой? Хотя... любовницу найти проще, чем любовника. И найдем, и поймаем, не страшно.

Могла стать причиной импотенция супруга, могли – его преступления перед государством. Если бы Сэндера посадили в тюрьму, Аликс могла бы получить свободу. А Сэндер потом женился бы только через пять лет, и то если бы Аликс ему решительно отказала в примирении, а храм дал разрешение.

Могли заключить новый брак те, чьи супруги попали в плен к врагу и чья судьба была неизвестна. Но... где ж такого врага найти и как ему Пирлена сдать?

И был главный пункт, на который Клари возлагала все надежды.

Жестокое обращение.

Это и было поводом для развода, который давался обижаемой стороне.

Тут давалось три года на разъезд, если по истечении срока в три года супруги не шли на примирение, развод давался окончательно. Что и требовалось.

Что Кларисса и изложила Аликс.

– А ребенок?

М-да, ребенок.

– А ребенок у тебя будет от любовника, – придумала женщина. – Любовника мы тебе найдем. Срок же пока небольшой?

– Маленький. Но...

– Аликс, не думай о плохом. Под этими платьями не то что ребенка – поросенка спрятать можно. Найдем тебе, например, беременную служанку, и ты разрешишь ей оставить ребенка в доме. И остаться у тебя на службе. А уж чей это ребенок будет...

– Н-но как?

– Посоветуемся со знакомыми крючкотворами, они что-то да придумают. Кстати, а свидетельства жестокого обращения у тебя есть?

Аликс передернуло.

– Д-да.

– Покажешь.

– Но...

– Во-первых, мне *надо* знать. Как иначе я смогу о чем-то говорить с законниками? Во-вторых, чего я там у тебя не видела? У самой все такое же. В-третьих, если речь идет о суде и разводе – тебе все равно придется все показывать. Есть при суде специальные женщины, осмотрят тебя и все скажут...

Аликс опустила голову. И кивнула.

Надо так надо.

* * *

Лесли наслаждался славой.

Раздувался от гордости, прикладывал к здоровенной

пишке лед и кивал на все вопросы.

Нет, он не помнит, как справился с волком.

Наверное, одной левой... Волк бросился, он упал, но по дороге отмахнулся, и волк отлетел в сторону. И бросился еще раз? Потому что у него сломана шея?

Да...

Джинджер ведь подтвердила, что Лесли сцепился с волком, а она убежала?

Значит, все так и было, волк кинулся и был повержен храбрым графом.

Все слушали, ахали, верили, и только леди Нэйра решительно увлекла Джин в ее комнату.

– Джин, что произошло на самом деле?

Джинджер сделала невинное лицо.

– Не знаю... Я убежала.

– Я должна поверить, что Лесли свернул волку шею?

– Он же в это поверил?

– Что не делает комплимента ни его уму, ни его самомнению. Первого явно не хватает.

– Зато вторым компенсируется, – приснула Джин.

– И все же?

– Простите, леди Нэйра, но я не знаю. Я убежала.

Леди не поверила, но и допытываться не стала. Махнула рукой.

А Джинджер и сама не понимала, что заставляет ее хранить тайну лорда Смита. Наверное, это интерес? Увлечение

загадками...

Или самим лордом?

Вот уж нет! Как можно увлечься тем, кого даже ни разу в лицо не видела? Так не бывает!

Но Лесли Джин поставила еще один минус.

Болтлив, хвастлив и глуп. А еще не может ее защитить.

Плохо, очень плохо, господин граф. Ваши шансы уменьшаются с каждым днем пути. Но говорить об этом Джинджер не спешила. Понаблюдаем еще?

* * *

Вечером Кларисса лежала у себя в кровати и думала, что Пирлену лучше не появляться на ее пороге. А то кочергой отходит поперек хребтины.

Аликс она знала с детства, жалела девочку и старалась помочь, чем могла. Но такое... На теле девушки были шрамы от собачьей плети и кнута. Ожоги от сигарет. Перелом руки зажил не совсем хорошо, и теперь будет болеть к непогоде. А синяки...

Синяки прошли, но ссадины на теле девушки еще остались. С душой бил, с-скотина. Ох, попадись ты мне...

Хорошо, если последствий не будет. Почки все-таки место достаточно уязвимое.

Ладно.

Завтра надо прогуляться к знакомой повитухе. Пусть

осмотрит девочку. Потом в суд, к судейским лекарям. За тем же самым. Но там про беременность помолчим, благо пока ничего не видно. Потом подадим заявление о разводе и можем ехать в Кон'Ронг.

Суды Кларисса знала.

Пока очередь до их дела дойдет, пока начнется рассмотрение...

Шесть раз успеют и съездить, и приехать.

Надо, надо присмотреться к Лессу. Не дай бог, такая же тварь окажется.

Кларисса точно знала, что любого, кто поднимет руку на ее дочь, она своими зубами загрызет. Медленно и с особой жестокостью.

Это ее ребенок. И горе любому, кто тронет Джин.

А тут?

Да что ж Резеда вконец ум потеряла? Если дочь к ней даже не поехала, не надеется на материнскую защиту?! Вот где кошмар-то! Когда твой ребенок просит помощи у посторонних людей, зная, что ты ему... равнодушная тетка.

Смерть ребенка страшна. А это... это немногим лучше. Потому что хоть Аликс и будет ходить по земле, радоваться жизни и растить своих детей, только вот Резеду к ним не подпустят.

Это уже будут не ее внуки.

Это и есть настоящий ужас.

И ведь Клари предложила для очистки совести написать

Резеде.

Аликс пожала плечами и согласилась. Только просила не указывать адрес. Пусть пишет до востребования. Заодно и посмотрим, кто будет ждать на почте.

Клари подумала и согласилась. Итак – сначала все визиты, а потом в Кон’Ронг. Аликс жалко, но дочь у нее одна.

* * *

– Тиа, дорогая!

Мать обняла старшую дочку и расцеловала в обе щеки. Тиана ответила леди Дженет таким же «искренним» объятием, строго следя, чтобы не помять прическу и не смазать макияж. Любовь – отдельно, внешний вид – отдельно.

– Как я рада тебя видеть!

– Я тоже, мама.

– А где же мой любимый внук? Где Андрес?

– В Клостере, мам.

– Неужели мальчика не отпустят на каникулы?

Тиана театрально вздохнула.

– Мамочка, там так сложно учиться, такие тяжелые экзамены...

– Да-да, все же это Клостер...

Леди Дженет понимающе закивала. Ивар усмехнулся в бороду.

Ага, экзамены!

Да закончились они еще дней десять назад! Просто Андрес умудрился подружиться с виконтом Лагранжем, и тот пригласил «приятеля Ривена» к себе в гости. Тиана, как услышала, запрыгала от радости, чуть потолок головой не пробила. И тут же наказала ребенку ехать!

Как можно быстрее!

И производить наилучшее впечатление и на виконта, и на графа Лагранжа. Завязывать полезные знакомства, показывать себя с лучшей стороны...

Вот уж чего Ивар никогда не мог понять.

Живи честно, вкалывай от зари до зари – и все у тебя будет. А лезть кому-то в глаза? Пытаться пробраться в высший свет через заднюю дверь? Вылизывать подхвостье вышестоящим?

Пфф!

Ивара это никак не устраивало.

И уж вдвойне его не устраивало лицемерие жены и тещи.

Если бы не леди Дженет, он был бы сейчас вдвое богаче. И Тиана ей никогда этого не простит, но и вслух не скажет. А зря...

И он не скажет, чтобы не огорчать жену.

Лицемерие, им в Кон'Ронге пропитано все, словно запахом дорогих духов.

Противно.

– Ивар, милый!

Теща раскрыла объятия зятю, и Ивар послушно прило-

жился к надушенной щечке.

– Леди Дженет, время над вами не властно.

– Ты мне льстишь, Ивар.

– И будет льстить, не то жена сожрет, – проворчал стоящий неподалеку Линос. Ивар смерил его насмешливым взглядом. Линос уже успел где-то нализаться с утра и стоял не особо ровно. Кейт дергала его за локоть, но куда там?

Линоса Ивар не уважал, как не уважал любого дурака и пьяницу. А еще...

Внешне между Кейт и Тиа все было просто замечательно. Любящие сестры, клятвы поддерживать друг друга, данные в детстве, взаимопонимание, симпатия, общение семьями, обожаемые племянники. Внешне все выглядит именно так, красиво, благородно, тонко, изящно.

Внутренне же...

Тиана презирает сестру за глупость и неудачливость. Кейт ненавидит сестру, но что есть силенок старается ей подражать. И обе сестрички страстно конкурируют за внимание матери. Впрочем, эти их попытки, так или иначе, обречены на неудачу.

В сердце леди Дженет есть место только для одного человека.

Ее обожаемого сыночка.

Лесса.

Кстати говоря...

– А Лесс еще не приехал?

На лицо леди Дженет словно тень набежала.

– Лесс и его невеста, баронесса Брайс, должны быть завтра к обеду.

– И горе им, если они приедут к вечеру, – проворчал Линос.

Ивар хмыкнул.

Нет, жить и дышать своему сыночку леди Дженет никогда не даст. Даже если он женится.

Особенно если он женится.

Тиана потянула мужа за рукав. Надо было устраиваться на отдых.

* * *

Мерно стучали копыта лошадей, поскрипывали колеса.

– Элерон.

– Норбет.

– Темпер.

– Ристан.

Женщины играли в города. Да этого они так же играли в композиторов, кулинарию, картины, исторических личностей и даже шитье. Просто брали термины по всем этим темам.

Надоест – переключатся на шахматы.

Еще больше надоест – будут читать вслух или развлекаться математикой.

Джинджер была в ней не очень сильна, а вот леди Нэйра считала, как дышала. Легко, уверенно, спокойно. А еще знала кучу интересных приемов.

Число делится на пять, если оканчивается пятеркой или нулем. Число делится на три, если сумма всех его цифр делится на три.

Чтобы быстро возвести в квадрат двузначное число, которое оканчивается на пять, надо первую цифру умножить на то же плюс единица, а потом в хвосте написать – двадцать пять. Например, тридцать пять в квадрате будет – три умножить на четыре (то же плюс единица) – двенадцать, и дописать двадцать пять. Тысяча двести двадцать пять. Дешево и сердито³.

Самое интересное, что далеко не все знают об этих вещах. Запомни простые правила – и проблем не будет. Но увы.

Лесс, кстати, не знал. И в ответ на предложение леди Нэйры научить его буркнул что-то неразборчивое и отправился гонять лошадь по холмам.

Леди посмотрела на мужчину и вздохнула.

Она не кривилась, не качала головой, не...

Просто Джинджер все чаще задумывалась, что Лесс – не совсем то, что надо. Или совсем не то?

Может, стоит подождать? Ну куда от нее убежит это замужество?

³ Автор до сих пор пользуется этими приемами, без особых усилий оперируя двух-трехзначными числами. Спасибо старым советским учителям.

А вот и Лесс, легок на помине. Склонился с лошади прямо к окошку, улыбаясь во все тридцать зубов⁴.

– Дамы, завтра к обеду мы будем в Кон’Ронге.

– Замечательно! – Карета надоела Джин до зубовного скрежета. – Наконец-то!

А вот леди Нэйра такого восторга не проявила.

– Милый Лесс, вас не затруднит ненадолго сесть к нам в карету?

Лесса не затруднило, и он воззрился на леди Нэйру, которую в разговорах с Джин именовал не иначе как «чудище бессонное стоглазое». Правда – шепотом и оглядываясь.

– Лесс, милый, я догадываюсь, что ваша семья сейчас вся в Кон’Ронге?

– Да, леди Нэйра.

– Мать, сестры...

– Да.

– И вы хотите так просто привезти туда Джин?

Лесс даже не понял, в чем проблема. Леди Нэйра схватилась за голову.

– Лесс, милый, подумайте! Умоляю! Кто произведет лучшее впечатление? Усталая девчонка в пыльном с дороги платье или очаровательная молодая леди в роскошном наряде и с уложенными волосами?

Джин хлопнула ресницами, Лесс звучно щелкнул зубами.

⁴ И да! Автор в курсе, что их всего может быть тридцать два, но Лесс еще не настолько помудрел.

А вот в таком ракурсе они об этой проблеме не думали. Но все верно – не бывает второй возможности произвести первое впечатление.

Леди Нэйра поняла, что победила, и, подобно великодушному завоевателю, сделалась даже мила.

– Лесс, я не сомневаюсь, что в деревне рядом с вашим замком есть таверна?

– Д-да... Там всегда останавливается Кейт, когда приезжает к нам. До замка ехать далеко, а денег у нее мало...

– Замечательно. А сейчас там остановимся мы. Снимем комнату, примем ванну, приведем себя в порядок и к ужину поедем в Кон'Ронг.

– Замечательно! А я вас встречу!

– Почему бы и нет... но лучше будет, если вы поступите так же, как и мы, и отдохнете в таверне, а потом мы приедем все вместе.

– А какая разница? – не понял Лесс.

– Вы, кажется, упоминали, что вокруг замка есть стена? Ворота?

Джин этого не помнила, но она вообще не запоминала дословно все разговоры.

– Вот и представьте, как ваша невеста будет стоять у ворот, словно нищенка. Нет, вам надо ехать вместе с нами, чтобы представить ее своим людям, чтобы никто не смел даже косо глазом повести... Лесс, доверьтесь мне! Умоляю! Я пекусь лишь о вашем с Джин благополучии! Разве слуги бу-

дут почтительно относиться к женщине, которая стояла под дверями? Вам ведь не захочется тратить время любви на то, чтобы муштровать нерадивую прислугу?

Чуть ошалевший от уговоров мужчина послушно кивнул.

– Это... да.

– Замечательно. Тогда так и решим! Останавливаемся в таверне, приводим себя в порядок и все вместе отправляемся в Кон’Ронг, – обрадовалась леди Нэйра, – я всегда знала, что вы умный и отлично воспитанный молодой человек, это видно! И так заботитесь о своей невесте!

Лесс выпятил грудь, а Джин тихонько фыркнула в кулачок. Правда, счастливый жених этого не заметил. Удрал отдавать приказы.

Джинджер воззрилась на компаньонку.

– Леди Нэйра?

– Милая Джин, вы ведь слышали рассказы вашего будущего мужа о леди Дженет?

– О да! – с чувством выдохнула девушка.

– Если не хотите всю жизнь плясать под ее дудку, расставляйте все на свои места с самого начала. Вы не какая-то сельская девица, как она...

– Она же вроде не...

– Вы невнимательно слушаете рассказы вашего возможного супруга. До того, как стать «не», она была очень даже «да».

Джин виновато опустила голову.

– Вы творческая личность, дитя, но это подводит вас. Надо уметь анализировать информацию, сопоставлять, взвешивать... иначе вам будет сложно с вашим супругом.

– Если он им еще станет.

– Неважно, кто им станет, важно, что это умение вам пригодится в будущем, – отрезала леди Нэйра. – Я еще займусь этим вопросом.

Джинджер хихикнула.

– Леди Нэйра, вы знаете, как вас называет Лесс?

– Разумеется. И считаю это комплиментом. Но хочу заметить, что лорд Кон’Ронг меня недооценивает. Сто глаз – это слишком мало для хорошей компаньонки. Чтобы присматривать за глупой малышкой, нужна тысяча.

Женщины переглянулись и расхохотались.

* * *

– Я х-хочу развод-да.

Аликс слегка заикалась, стоя перед королевским судьей. Она в жизни не осмелилась бы прийти сюда, но рядом с ней стояла Кларисса Брайс, Аликс чувствовала ее взгляд, словно теплую дружескую руку на своем плече, и уверенно шла вперед.

Это ее жизнь и ее ребенок! И она никому не позволит ими рисковать!

Королевский судья был настроен негативно. Причина у

него была веской и всеобъемлющей, и имя ей было – подагра. А вот не надо злоупотреблять роскошной жизнью. Тучный мужчина лет пятидесяти смотрел недовольными глазами и хмурился.

– На каком основании?

Аликс ответила взглядом на взгляд. Голубые глаза встретились с серыми.

– Жестокое обращение.

– И в чем это выражается?

– Где я могу показать свои шрамы? – вопросом на вопрос ответила Аликс.

Ожоги и рубцы произвели впечатление. Но...

– Вы настаиваете, что это сделал ваш супруг?

– Да!

– А может, любовник? Или...

– У меня нет любовника. И нет или, – отрезала Аликс.

Ноздри ее раздувались, глаза горели. Сейчас она была великолепна. Кларисса незаметно улыбнулась. Что нужно девушке? Да всего лишь немного уверенности в себе. И она станет неотразима! С Резедой Лоусон Аликс превращалась в бледную тень самой себя. А с Клариссой рядом, понимая, что ее поддержат и одобряют, но проблемы придется решать самой, – расцветала. Улыбалась, скидывала голову, бросалась в бой...

Так что даже королевский судья оценил и вздохнул.

– Ладно, давайте составлять документы.

Они провозились часа два, не меньше. После судьи зашли к стряпчему, договорились, что тот будет представлять интересы леди Лоусон (Аликс собиралась отныне и впредь пользоваться своей девичьей фамилией) в суде, заплатили задаток (к большому неудовольствию стряпчих, задаток определялся государством, а гонорар сильно зависел от выигрыша или проигрыша дела, так что приходилось стараться), договорились, что вернутся к началу процесса, и отправились к модистке. На этом настояла леди Брайс.

– Аликс, солнышко, тебе совершенно не подойдут платья Джин. У вас совершенно разные цвета. Ты смуглая, с каштановыми локонами и глаза у тебя яркие, а моя Джин выполнена в пастельных тонах. То, что пойдет ей, просто уничтожит тебя.

– Но деньги...

– Какие деньги? Вот посмотри, бирюзовое с золотом? Ну-ка... отлично! Берем!

– Оно же дорогое...

– И вот это, вишневое. С серебристой отделкой. Джинджер этот цвет просто уничтожит, а тебе будет очень к лицу.

Аликс отказывалась, но ей почти насильно купили несколько платьев, решив подождать их уже в дороге, напоили вкуснейшим взваром с пирожными и насильно примерили десятка три шляпок, чтобы выбрать самую-самую. Выбрали три, потому что упустить хотя бы одну из них для Клариссы было невыносимо. Для Аликс, кстати, тоже.

– Я никогда с вами не расплачусь, леди Брайс, – Аликс вздохнула.

Кларисса топнула ногой.

– Аликс! Еще раз я услышу подобные глупости – и задам тебе трепку!

– Этим меня не запугать.

– Прости, – осеклась Кларисса.

– Леди Брайс... почему вы мне помогаете? Мать и та для меня столько не сделала бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.